ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 7 (3036) Четверг, 15 января 1953 г. Цена 40 коп.

НАРОД ЖАЖДЕТ МИРА

Говард ФАСТ

Я думаю, что было бы интересно и важно рассказать о борьбе за мир у нас, в Соединенных Штатах, с несколько иной точки зрения, чем это обычно делается. Я имею в виду, в частности, борьбу, развернувшуюся в одном из рабочих районов Нью-Йорка во время последней избирательной кампании. Этот район является 23-м округом по выборам в конгресс, входит в состав Бронкса * и известен под названием Хантс Пойнт.

Эта часть Нью-Йорка — своего рода гетто, в котором обитают полмиллиона рабочих с семьями. Они живут в такой же нищете, как и большинство нью-йоркских трудящихся. Здесь в сентябре и октябре прошлого года была проведена энергичная кампания в защиту мира. И, пожалуй, нигде в Америке борьба против войны не велась в этот период с таким напряжением, как здесь. Поэтому, мне кажется, стоит изучить ее опыт и рассказать о ней.

Мне довелось принять в этой кампании активное участие, что дает мне возможность подробно описать ее. Началось с того, что Американская рабочая партия предложила мне выступить в качестве ее кандидата на выборах в конгресс по 23-му избирательному округу. По разным причинам я никогда раньше не выставлял своей кандидатуры на выборах, но на этот раз я согласился, предполагая,— и мое предположение оказалось верным,— что борьба за мир будет занимать центральное место в предвыборной кампании не только в 23-м избирательном округе Нью-Йорка, но и во всей стране.

На первом же нашем совещании по вопросам избирательной стратегии мы решили, что требование **«Немедленно прекратить огонь в Корее»** станет центральным лозунгом нашей кампании, главным стержнем всей нашей работы. Все остальные задачи будут подчинены этой главной и основной теме — логика, продиктованная самой жизнью. Хантс Пойнт — район трущоб и полутрущоб, там ощущается острая нужда в жилищах; но жилищное строительство для бедняков прекращено в связи с усиленными военными приготовлениями. В школах занятия идут в три смены, и дети теснятся в грязных ветхих зданиях. Строительство школ не так прибыльно, как производство танков, и новые школы не строятся, их даже не предполагается строить. Во всем районе нет ни одной больницы, ни одной амбулатории. В этих джунглях, в этих бесконечных тесных кварталах нет ни парка, ни спортивных площадок для детей. Все здесь наглядно свидетельствует о результатах нынешней политики США: пушки вместо масла, пушки вместо школ, больниц и жилых домов, скачущие вверх цены и растущая безработица, несмотря на хваленое «процветание», якобы созданное благодаря гонке вооружений.

Мы решили показать, что только программа мирного строительства может привести к удовлетворению насущных потребностей населения, и, опираясь на эту программу, мы повели энергичную избирательную кампанию. В основном это была кампания пропаганды мира.

Как я уже сказал, главным ее стержнем, ее душой был лозунг «Прекращение огня в Корее». Эта мысль красной нитью проходила во всей нашей предвыборной литературе. Эта мысль была также главной темой наших митингов.

Кампания проводилась в течение двух месяцев. Это были месяцы напряженной борьбы. Мы напечатали и распространили свыше миллиона документов на тему о борьбе за мир. Мы организовали почти 200 митингов, из них 115 — на улицах. Я лично выступал более чем на ста уличных митингах. Под лозунгом борьбы за мир мы созывали собрания на открытом воздухе. Под лозунгом борьбы за мир процессия матерей и детей прошла по центральным улицам этого района.

Везде мы встречали теплый прием. Сотни людей приходили на собрания, чтобы послушать нас. На некоторых уличных митингах присутствовало свыше тысячи человек. То, что мы говорили, было по душе нашим слушателям. Никто не выступал против нас, никто не пытался повторять ложь, которую реакционные газеты сочиняли про нас.

Согласие с нашими лозунгами не нашло отражения в общих результатах выборов, ибо двухпартийная система — это стена, которую мы еще не научились пробивать, но население этого района было с нами и за нас. **

Особенно активна была в этой кампании молодежь. Главным содержанием ее работы был сбор подписей под призывом о прекращении огня в Корее. Были собраны тысячи подписей. Ни один человек из тех, к кому мы обращались, не отказался подписаться. За время кампании сотни юношей этого района включились в борьбу за мир. Городские власти рассматривают этих юношей, у которых нет никаких надежд на получение работы, нет никаких перспектив в жизни, нет завтрашнего дня, как преступников и бандитов. Нам удалось привлечь их на свою сторону, хотя вначале горечь, озлобление, чувство безнадежности мешали им принять участие в активной борьбе за мир. Во время избирательной кампании молодые рабочие стали приходить к нам, восполняя своей численностью и энергией тот пробел, который создавался благодаря отсутствию у нас материальных средств.

Таков был характер нашей двухмесячной работы. Мы организовали два больших массовых митинга, на каждом из них присутствовало свыше 3 000 человек, и собирали тысячи слушателей на других митингах и собраниях. Во всем районе лозунг «Прекратить огонь в Корее» вошел в жизнь, стал главной темой разговоров и споров. Мне кажется, что мы нанесли сильный удар против войны и в защиту мира.

Но наша кампания носила чисто местный характер. Она была ограничена рамками одного рабочего района Нью-Йорка и мало известна остальной Америке. В каком же соотношении она была с борьбой за мир в общенациональном масштабе? Это вопрос величайшего значения. Из ответа на него можно узнать много о борьбе за мир в США. Ибо если кампания в 23-м избирательном округе была энергичной и напряженной, то в ней имелись и пробелы, слабые места, присущие, мне кажется, вообще всей борьбе за мир в США.

Начать с того, что, проведя энергичную агитацию за мир, мы не сумели создать постоянно функционирующей организации. Эта главная задача американского движения защиты мира все еще остается невыполненной. В настоящее время организованное движение за мир в Америке является еще недостаточно широким, сильным и сплоченным. Огромная жажда мира у населения — и слабая организация для активной борьбы простых людей за мир. В Америке, куда бы вы ни поехали, вы всюду встретите у народа ненависть к войне, ужас и возмущение корейским конфликтом. Нас, как кошмар, давит мысль о бесчеловечном оружии, атомных бомбах, создаваемых правительством; мало радости ожидает для себя народ и в будущем.

Почему же движение за мир растет в США более медленно, чем в других капиталистических странах? На это есть много причин. Некоторые из них я знаю, другие мне неизвестны.

Во-первых, террор, осуществляемый реакцией. Даже прогрессивные круги за границей не всегда точно представляют масштабы этого террора. Как обстоит дело? Перечислим некоторые из множества фактов, которые иллюстрируют рост реакции и помогут нам уяснить общую картину политической жизни в нашей стране. Это прежде всего — засилье правых социал-демократов в профсоюзном движении. Неслыханное предательство горе-руководителей рабочего движения выразилось в полном их сговоре с трумэновской администрацией и безоговорочной поддержке политики войны. Теперь они уже протягивают руку помощи новой республиканской администрации. Заключив союз с реакцией против левых профсоюзов, эти лидеры стараются преградить движению за мир путь в профсоюзы.

Растущая монополизация газетного дела. В настоящее время подавляющее большинство газет в Америке является послушным оружием крупных дельцов, в один голос защищает и пропагандирует войну.

Кампания террора, с холодным расчетом проводимая правительством. Террор в наши дни является признанной программой внутренней политики. С этой целью правительство устранило даже такую гарантию законности, как суд присяжных. Формально этот суд существует, но ни один человек из числа преследуемых правительством еще не был оправдан***. Это общепризнанный факт. Наши суды — это не суды, а палаты для произнесения приговоров. Концентрационные лагери сооружаются и уже построены по всей стране. Они еще не функционируют, но шесть огромных лагерей оборудованы — факт, также широко известный, хотя правительство старается не разглашать его в прессе. Тысячи руководителей коммунистической партии, рабочего класса и движения за мир заключены в тюрьму или преданы суду. Об этих процессах пишет вся пресса. И всем, решительно всем подсудимым выносится обвинительный приговор, суровый и беспощадный.

Некоторые патриоты, например Стив Нельсон — руководитель отделения коммунистической партии в штате Пенсильвания — подвергаются особенно ожесточенным преследованиям. Стив Нельсон не только был приговорен к двадцати годам тюремного заключения по старому закону о подстрекательстве к мятежу, но он замучен почти до смерти неописуемо ужасными тюремными условиями. Другим, как, например, неграм из Мартинсвилла, вынесены смертные приговоры, дабы вселить ужас в сердца людей... Беспощадные приговоры суда передовым деятелям — это уже у нас вошло в быт. По всей Америке заседают суды, и те, кто предстает перед ними, вынуждены либо отречься от правды, от всего чистого и честного, что есть в жизни, либо быть готовыми к тому, что их лишат куска хлеба и навечно внесут в черный список, а вдобавок и посадят в тюрьму.

Это общая картина террора, но я еще не говорил об одной его специальной области — терроре в школах. Не думаю, чтобы в прошлом существовало что-либо подобное, разве что при Гитлере. Теперь профессора и учителя изгоняются из школы... Всякий учитель или профессор, о котором поступят сведения, что он затаил свободолюбивую мысль или позволил себе вымолвить свободное слово, обречен на увольнение. Сотни профессоров уже изгнаны из университетов; сотни учителей — из школ. Учебники изымаются из употребления. Студенты исключаются за свободомыслие, другие заносятся в черные списки, что заранее лишает их возможности устроиться в будущем. В некоторых школах запрещается даже упоминать о Советском Союзе. Самые изощренные формы насилия направлены против любого учителя, не подчиняющегося требованиям реакции.

Какое влияние оказывает террор на движение сторонников мира? Если мы присмотримся к характеру борьбы за мир во многих других капиталистических странах, то увидим, что большую роль играет в этой борьбе организованное рабочее движение, ведущие ученые, интеллигенция. У нас же, в Америке, к руководству рабочим движением пробрались предатели рабочего класса. Они нагло обманывают трудящихся.

Террор, развязанный правительством, направлен к тому, чтобы парализовать интеллигенцию. Процессы, инсценированные правящими кругами, заключение в тюрьму прогрессивных интеллигентов, руководивших движением за мир, не могли не повлиять на поведение некоторой части американской интеллигенции. Теперь многие молчат — они запуганы, они знают, что каждый их шаг в защиту мира и просто каждый акт человеческой порядочности лишит их средств к существованию и, может быть, приведет в тюрьму. Сароян, Одетс, Стейнбек, Унтермейер, Синклер, Сэндберг и Шиан, — если назвать лишь несколько представителей интеллигенции с мировым именем,— их все одно время считали принадлежащими к прогрессивному лагерю. Страх или коррупция заставили их замолчать или превратили в ренегатов, во врагов человечества. Некоторые из них и кое-кто из не поименованных здесь поведали мне, какое отвращение вызывает у них ход событий, но это отвращение не заглушило страха. Некоторые бежали из Америки, чтобы пополнить собой колонии американских эмигрантов на чужбине.

При таком положении дел перед организованным движением за мир стоят большие трудности. Однако было бы неправильно предполагать, что это движение в Америке не растет. Оно нарастает медленно, но верно, и тот опыт борьбы за мир, о котором я говорил,— работа в 23-м избирательном округе — показывает, как подготовлена почва для такого движения в массах.

Я понимаю, как легко людям в других странах поддаться чувству ненависти к Америке, может быть, слишком легко. Но ненавидеть Америку было бы неправильно — ведь только благодаря нашей горячей любви к Америке здесь еще действуют прогрессивные силы. Питайте ненависть к свиньям, которые втаптывают в грязь все светлое и драгоценное, что есть в нашей стране, но если вы возненавидите американский народ, это значит, что вы покинете его в борьбе, которая для него только началась.

Будущее наше тревожно. В стране господствует реакция, голый террор и ненависть. Нам необходимо усилить в 1953 году борьбу за мир в нашей стране, довести ее до небывалого еще у нас размаха. В Америке, как и во всем мире, народ жаждет мира, он с нами, и мы надеемся победить.

НЬЮ-ЙОРК, январь

* Бронкс — один из пяти крупных районов Нью-Йорка. **Ред.**

** При двухпартийной системе, действующей в США, основные средства избирательной пропаганды: радио, телевидение, газеты, находятся в руках двух соперничающих группировок, подчиненных Уолл-стриту. Эти группировки действуют методами террора, запугивания, дикой дезинформации. **Ред.**

*** В суде присяжных вопрос о виновности того или иного лица решается так называемыми присяжными заседателями, избранными или назначенными из числа населения данного района страны. В последнее время в США существует практика назначения присяжных судей из числа наиболее явных реакционеров. **Ред.**

НАКАНУНЕ ЛЕНИНСКИХ ДНЕЙ

Трудящиеся столицы нашей Родины — Москвы, как и весь советский народ, чтут светлую память Владимира Ильича Ленина. В цехах заводов и фабрик, в учреждениях, учебных заведениях и на агитпунктах тысячи агитаторов накануне ленинских дней проводят беседы о жизни и революционной деятельности Владимира Ильича, о великом содружестве В. И. Ленина и И. В. Сталина, о торжестве идей ленинизма.

В большом зале Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в ближайшие дни состоятся лекции на темы: «Великое содружество В. И. Ленина и И. В. Сталина», «Образ В. И. Ленина в творчестве народов СССР».

Многолюдно в эти дни в залах Центрального музея В. И. Ленина. За две недели января экспонаты музея осмотрело свыше 35 тысяч человек.

***

КАЗАНЬ. На предприятиях, в учебных заведениях и агитпунктах города проводятся беседы о жизни и революционной деятельности В. И. Ленина.

Трудящиеся города посещают университетскую комнату — аудиторию, в которой юный Ильич слушал лекции, будучи студентом юридического факультета. Материалы аудитории знакомят посетителей с пребыванием В. И. Ленина в университете, началом его революционной деятельности. Научная библиотека университета готовит большую выставку, посвященную Владимиру Ильичу Ленину.

***

БАКУ. Трудящиеся Азербайджана свято чтут память В. И. Ленина. В эти дни пропагандисты, агитаторы проводят доклады и беседы о жизни и революционной деятельности Ильича, о великом содружестве В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Общество по распространению политических и научных знаний организует во дворцах культуры и клубах, на промышленных предприятиях лекции, посвященные В. И. Ленину.

КНИГИ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В секции прозы Союза советских писателей

Для прозы 1952 года (как и вообще последних лет) характерно стремление к созданию больших полотен. Невиданно вырос и возмужал советский народ, пройдя через горнило Великой Отечественной войны, с еще большей силой, чем прежде, почувствовал на своих плечах ответственность за судьбы всего мира, еще острее увидел, как тесно взаимосвязаны между собой все явления в мире. Отсюда и большая тяга к произведениям, которые могут дать представление о широком круге событий и позволяют глубоко, философски, на большом жизненном материале осмыслить основные процессы действительности. Эти произведения не просто интересны нашему народу — они жизненно важны для него.

И, отвечая этой потребности народа, наша литература стремится дать все больше книг с разносторонним жизненным материалом, со многими и разными героями, с большим охватом событий и во времени и в пространстве.

Широчайшая картина послевоенной жизни мира — от Америки до Китая, повсеместная борьба народов за мир во всем мире, против подготовки новой империалистической войны нарисована в романе И. Эренбурга «Девятый вал».

Масштабность событий, стремление изобразить ход войны в целом, а не отдельные боевые эпизоды, стремление осмыслить значение войны в жизни народа,— вот что характерно для книг этого года, посвященных теме Великой Отечественной войны,— второй книги романа М. Бубеннова «Белая береза» и первой книги романа В. Гроссмана «За правое дело».

Немало произведений посвящено созидательному труду советского человека: «Журбины» В. Кочетова, «Дни нашей жизни» В. Кетлинской, «Современники» Б. Полевого, «Высота» Е. Воробьева и другие. Этой же теме посвящен и незаконченный роман П. Павленко «Труженики мира», опубликованный в 1952 году. Рассказывая о строительстве Ферганского канала, писатель запечатлел могучий размах народной инициативы, кипенье творческих сил масс. Разные по характеру дарования, по глубине проникновения в жизнь, авторы всех этих книг коллективными усилиями создают портрет нашего современника — созидателя, творца.

Однако 1952 год свидетельствует не только об известных успехах наших прозаиков, но и о серьезных недостатках в их работе. Ведь все те слова критики, которые прозвучали в адрес советских литераторов с трибуны XIX съезда партии, все сказанное о неверном, механическом понимании проблемы типического, сглаживании реальных жизненных противоречий и конфликтов, появлении малохудожественных, серых и попросту халтурных книг относится, разумеется, и к прозе.

Чем иным, как не недостаточным проникновением в действительность, недостаточным умением увидеть и понять в ней самое типичное, объясняется слабость показа в нашей прозе того, как формирует советская жизнь вожаков масс?

Наши литераторы слишком часто еще сужают показ руководящей роли партии, сводят его к изображению лишь секретарей партийных организаций, парторгов, причем и они обычно изображаются статично, уже заранее сложившимися, до конца во всех своих проявлениях определившимися людьми. Нередко за рамками произведения остается главное: как был заработан авторитет таким вожаком масс, как вырос такой человек, как его самого воспитали партия и народ, прежде чем выдвинуть на пост руководителя, который, продолжая учиться у масс, в то же время в состоянии уже сам учить, воспитывать людей.

Этим грешат не только произведения явно слабые, но часто и книги, в целом заслуживающие положительной оценки. Скажем, в романе В. Кочетова «Журбины» самый слабый образ — парторг завода Жуков, в романе В. Кетлинской «Дни нашей жизни» — парторг Диденко. Этот список, к сожалению, можно увеличить.

Недостаточно смелое и глубокое проникновение в действительность, недостаточное умение увидеть в ней все типичное — не только положительное, но и отрицательное—сказываются и на недостаточной четкости замысла многих произведений, ведут к пренебрежению формой, к невзыскательности в отношении художественного мастерства, к композиционной бесформенности, растянутости.

Партия прежде всего призывает писателей писать правду, т. е. находить в жизни самое типичное и воплощать это типичное в полнокровных художественных образах.

В какой мере этому призыву, этому требованию партии отвечают произведения советских прозаиков в 1952 году? Какие жизненные процессы увидены советскими писателями, и важнейшие ли? Что нового в жизни прошло мимо внимания наших литераторов, не нашло своего отражения в литературе, а значит, не стало достоянием читателя через книгу? Как новый жизненный материал, отраженный литературой, повлиял на особенности формы ее, на развитие различных жанров? Все эти и ряд подобных вопросов должны были стоять в центре внимания писательской общественности, в центре внимания и крупнейшего отряда ее — секции прозы. И чем более глубоким в свете именно таких вопросов было бы обсуждение вышедших и находящихся в процессе работы произведений, тем больше пользы для себя могли бы извлечь советские писатели, а значит, и вся литература.

Поэтому так важен вопрос о качестве обсуждения литературных произведений в творческих секциях Союза писателей.

По сравнению с прошлым годом секция прозы, несомненно, работала живее, активнее. За год было проведено более двадцати заседаний. На них обсуждено около тридцати книг, и среди них много значительных произведений прошлого года.

Меньше внимания секция уделила работам молодых прозаиков, хотя некоторые книги попали в поле ее зрения: повесть Е. Успенской «Наше лето», роман Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» и др. Но 1952 год, так же, как предыдущие годы, дал большее количество новых имен. Например, выступили с первыми книгами Б. Бедный, В. Дудинцев. Их творчеством секция не поинтересовалась.

К сожалению, видные наши прозаики, за немногими исключениями, попрежнему сторонились обсуждения творчества своих товарищей, несмотря на неоднократные призывы со стороны писательской общественности.

Были в работе секции удачные, плодотворные обсуждения. Например, большой принципиальный разговор состоялся при разборе романа Н. Вирты «Вечерний звон». Положительно оценивая эпический размах книги, смелый замысел писателя дать художественную историю русского крестьянства, отмечая большое мастерство Н. Вирты во всем, что касается показа жизни обитателей тамбовской деревни Дворики, участники обсуждения в то же время высказали писателю ряд серьезных упреков. Главные из них: отсутствие полнокровных образов пролетарских революционеров, декларации вместо раскрытия их мировоззрения, внутреннего мира, слабость, историческая, художественная и психологическая неубедительность фигуры главного героя — Флегонта. Все эти замечания были направлены к тому, чтобы помочь автору, продолжающему работать над романом.

Деловой, серьезный характер носило обсуждение повести К. Паустовского «Рождение моря». В. Каверин с большой заботой о творчестве писателя анализировал удачи и неудачи нового произведения Паустовского. Он говорил об искренней заинтересованности автора своей темой — сооружением Волго-Донского канала, и в то же время — о плоскостном изображении героев, о жанровой неопределенности произведения. По его мнению, у К. Паустовского получилось нечто среднее между очерком и повестью.

Двукратное обсуждение повести Н. Чертовой «Девушка в шинели», несомненно, принесет пользу автору. Выступавшие говорили и о фактических ошибках и неточностях в книге, и главным образом о том, что писательница, слишком догматически отнесясь к биографическим данным реальных прототипов своих героинь, не смогла обобщить, типизировать их характеры, художественно связала себя. Как вывод из обсуждения прозвучали признания редактора книги И. Трусова: «Жаль, что многое из того, что говорилось здесь, не пришло в голову при редактировании», а также слова автора: «Не в моем характере «штопать» и «лицевать» повесть—дело, очевидно, в творческой переработке ее».

Можно назвать еще одно-два обсуждения, которые носили плодотворный характер. Но, к сожалению, не они определяют стиль работы секции.

Курением фимиама было обсуждение романа В. Кочетова «Журбины». Эта правдивая, интересная книга о труде и быте советских рабочих-кораблестроителей поднимает перед нашими писателями ряд важных творческих вопросов — о многогранности изображения советского человека, о жанре романа. Но они не были поставлены со всей серьезностью. С уст выступавших (по почину докладчика В. Дорофеева) не сходили определения: «прекрасный роман», «прекрасные характеры», «прекрасная семья». Показательным для общего стиля был панегирик П. Русина: «Перед вами встает мир — такой светлый, такой просторный, такой уверенный, такой разнообразный, такой многоцветный, самоцветный, самобытный... И все ясно в этом мире... и все прекрасно...»

Даже когда оратор рисковал коснуться каких-то недостатков романа, то делал это «сверхделикатно»: «где писатель пишет о мыслях, о рассуждениях героев — он сильнее, где он пишет об их чувствах—он тоже не слаб, но все же слабее...». А ведь цель обсуждения в писательской, профессиональной среде — помочь автору повысить свое мастерство, исправить недостатки даже хорошего произведения. В. Кочетов в заключительном слове вынужден был сказать, что так и не знает, что ему делать с трудностями, которые он не сумел преодолеть, с «огрехами» и «трещинами», которые остались в ткани произведения.

На заседании, посвященном роману В. Гроссмана «За правое дело» — крупному произведению, представляющему большой интерес для обсуждения, могущему вызвать споры, столкновение мыслей и оценок, — царил тот же вредный дух огульного захваливания, восторженных комплиментов. «Это — советская «Война и мир»!—заявила критик Н. Толченова.

В принципе невозможно возражать против каких бы то ни было похвал какому бы то ни было писателю. Но если критик хочет, чтобы его оценка была не только свидетельством его личного, субъективного восприятия произведения, а чтобы ее разделили и другие, надо подвергнуть произведение анализу, выяснить, какие идеи автор положил в его основу, правильны ли они, насколько глубоки, каким материалом автор оперирует, воплощая их в художественные образы, как эти образы внутренне построены, как автор решает вопросы композиции, сюжета, не находятся ли они в противоречии с идеей вещи.

Н. Толченова, проявившая себя в ряде статей как вдумчивый критик, на сей раз только восторженно и бездоказательно заявила, что ее потрясли многие страницы и эпизоды романа.

В такой же манере выступало по поводу романа В. Гроссмана и большинство других участников обсуждения.

Не было серьезного разбора и книги В. Катаева «За власть Советов». А ведь здесь можно было поставить многие интересные вопросы. Писатель значительно переработал роман, подвергшийся серьезной принципиальной критике в партийной печати. Какими же путями шел В. Катаев в этой переработке? Что помогло ему добиться успеха? Везде ли он справился со своей ответственной задачей? Ответы на эти и другие, возникающие в связи со второй редакцией романа вопросы — причем ответы не общие, а конкретные, с примерами из текста,—были бы ценны не только для В. Катаева, но и для многих других писателей, для развития всей нашей литературы.

Бегло и поверхностно был обсужден и роман И. Эренбурга «Девятый вал».

Только в обстановке трудно объяснимого умиления могла секция прозы оценить как выдающееся произведение советской литературы книгу Е. Пермитина «Горные орлы» — книгу, в которой к интересным, талантливым первым частям, созданным уже давно, автор торопливо приписал схематичный, нехудожественный конец о современной деревне, проявив тем самым по меньшей мере несерьезное, верхоглядское отношение к важнейшей теме.

Эмпиризм, теоретическая неподготовленность, вкусовщина, дилетантизм суждений—печальные приметы многих выступлений на многих обсуждениях. «Мне нравится», «мне не нравится», «хочу обратить внимание на такую частность» — вот наиболее часто встречающиеся «аргументы».

Многие выступавшие попросту не готовились к заседаниям. То и дело слышались фразы: «Я не готовился специально выступать по роману Кочетова, но раз уж так вышло, придется сказать немного» (А. Авдеенко на обсуждении книги В. Кочетова). «Очень сожалею, что я не имею возможности сегодня об этом говорить с приведением примеров, но я думаю, что эта книга заслуживает нашего пристального внимания» (С. Кирьянов на обсуждении книги В. Тевекеляна). «Я не готовился к обсуждению, но в общем должен поддержать тех, которые выдвигают книгу» (М. Шкерин на обсуждении книги Л. Лагина).

Дело доходит до того, что члены бюро секции приходят обсуждать книгу, не прочитав ее! На одном заседании пришлось вторично обсуждать роман Е. Уруймаговой «Навстречу жизни» (ибо на предыдущем заседании выяснилось, что большинство членов бюро секции не читало его) и перенести на другой день обсуждение книги рассказов А. Казанцева «Обычный рейс», попросив прочитать ее тт. В. Каверина, Н. Москвина, Б. Зубавина.

По тем же причинам (почти никто не читал!) секция три раза(!) приступала к разбору книги молодого писателя В. Померанцева «Дочь букиниста».

Бюро секции вынесло на обсуждение писательской общественности много книг— это хорошо. Но большинство собраний прошло на низком уровне, и это заставляет задуматься над тем, велика ли польза от таких обсуждений?

Как правило, секция обращалась к тому или иному произведению лишь после того, как оно получило оценку в печати. Беда, конечно, не в этом. Вполне правомерна возможность обсуждения книги и в рукописи, и по выходе ее в свет, и даже после того, как появился, может быть, ряд рецензий на нее. Было бы лишь обсуждение плодотворным! Где, как не в профессиональной писательской среде, поднимать в связи с конкретной книгой общие вопросы мастерства, композиции, сюжета, языка, построения образа — все так называемые вопросы «технологии писательского мастерства»!

Такое обсуждение писателями книги своего товарища, основанное на глубоком знании и действительности и литературы, представляет интерес не только для узкого круга собирающихся на заседании секции, но для всех, кому дорога наша литература — для наших читателей.

Такие обсуждения, такие выступления представляли бы собой ценнейшие материалы для будущих статей и по вопросам литературной критики, и по вопросам эстетики, и по ряду других проблем, выдвигаемых жизнью, они служили бы основой для творческих дискуссий, двигали бы литературу вперед, не говоря уже о том, что могли бы чрезвычайно способствовать оживлению публицистики в наших журналах и газетах.

Нельзя сказать, чтобы недостатки в работе своей секции не были известны московским прозаикам, в том числе и членам бюро секции. Старый писатель-коммунист П. Бляхин, выступивший с докладом на открытом партийном собрании секции прозы ССП СССР,— оно состоялось 26 декабря и как бы подводило итог работы секции за год,— обратил внимание собравшихся на качество и характер обсуждений. Напомнив неоднократные указания партии о необходимости покончить с «круговой порукой», со всякого рода семейственностью и беспринципностью, П. Бляхин сказал:

— При обсуждении некоторых произведений на бюро секции прозы с активом имело место дружеское захваливание авторов, замазывание недостатков, вместо деловой и всесторонней критики начинались восхваления, аллилуйщина, дифирамбы, что приводило к неправильным оценкам художественного и идеологического качества произведений.

— Результаты секционных обсуждений творчества прозаиков выиграли бы,— правильно говорил писатель В. Бахметьев,— если бы мы устраивали обсуждения ряда произведений, обобщенных по одной тематической установке или в свете той или иной проблемы марксистско-ленинской эстетики; если бы, разбирая новую книгу автора, касались всего его творчества.

— Мы мало думаем о работе друг с другом, в результате этого многолетний труд иных литераторов оказывается вне нашего поля зрения. Результаты нашей работы были бы намного выше, если бы обсуждения не ограничивались порой поспешным выставлением отметок — четверок и пятерок.

Эти слова В. Каверина были горячо поддержаны многими.

Открытое партийное собрание приняло решение о том, чтобы провести ряд творческих дискуссий по принципиальным вопросам: о природе конфликта, о сатире, о жанре научной фантастики.

И еще. Во многих выступлениях писателей прозвучала справедливая критика в адрес «Литературной газеты», которая недостаточно освещает повседневную работу секции, ограничиваясь информационными заметками. Предложение Н. Шпанова о более широком отражении в газете литературной жизни — и в частности работы секции прозы — было единогласно принято всеми собравшимися, и «Литературная газета» учтет в своей дальнейшей работе это справедливое общее мнение писателей.

Литературный процесс не кончается тогда, когда поставлена последняя точка в рукописи. Квалифицированный разбор достоинств и недостатков произведения, дружеская нелицеприятная критика, деловой товарищеский совет не только помогают автору исправить уже вышедшую книгу для нового издания, но могут избавить и еще не вышедшую книгу от ошибок, предостеречь и других авторов от сходных промахов, а значит, двигают вперед общее дело совершенствования нашей литературы. Только при наличии этого творческая секция прозы, которая должна быть ведущей в Союзе советских писателей СССР, станет подлинно ведущей и подлинно творческой.

Т. ЗАХИДОВ,
президент Академии наук Узбекской ССР

РУССКИЙ ЯЗЫК В УЗБЕКСКОЙ ШКОЛЕ

Яркий свет пролили гениальные работы товарища Сталина по вопросам языкознания на проблемы преподавания русского языка в школах республик нашего многонационального государства. Они показали, какое важное значение для социалистического общества имеет взаимное сотрудничество равноправных языков.

У нас, в стране победившего социализма, уделяется огромное внимание делу развития, совершенствования и обогащения национальных языков. Даже самые малочисленные народы, населяющие Советский Союз, имеют сейчас научно разработанные грамматики своих языков. В союзных и автономных республиках внимательно изучаются произведения национальных классиков и образцы народного творчества. Из сокровищницы классики и фольклора бережно, любовно отбирается и действенно используется все, что способствует обогащению современного национального языка.

В том, что узбекская национальная культура, в том числе и языковая, сумела подняться на столь высокий уровень, огромную роль сыграли великий русский народ и его культура.

Корни русско-узбекского культурного сотрудничества уходят в века. Демократически и прогрессивно настроенные представители узбекского народа стремились поддерживать живую связь с передовыми русскими деятелями, испытывая на себе благотворное влияние русской культуры.

Сейчас, когда народы нашей страны в тесном братском содружестве строят коммунистическое общество, вопрос об изучении в республиках русского языка приобретает первостепенное значение. Знание русского языка способствует сплочению наций, дает им возможность крепко наладить совместную работу, приобщает нации к великой культурной сокровищнице русского народа, к накопленному им богатейшему политическому и научному опыту.

Русский язык, как язык великой, передовой нации, благотворно действует на развитие узбекского языка. Он обогащает его новыми словами, новыми понятиями, возникшими в условиях социалистического общества.

Партией и правительством созданы в республиках все условия для успешного изучения русского языка и прочного овладения им. Но эти возможности в Узбекистане используются не в полной мере. Узбекская молодежь все еще слабо знает русский язык. Ее плохо учат русскому языку.

Что же мешает правильной постановке преподавания русского языка в узбекских школах?

Прежде всего отсутствие полноценных школьных программ и учебников.

При составлении программ не учитывается специфика преподавания русского языка именно в узбекской школе. Русский ребенок, поступая в русскую школу, практически уже владеет родным языком. В школе его знания языка приводятся в систему, обогащаются, совершенствуются, шлифуются. Узбекский же школьник приступает в школе к изучению элементарных основ русского языка, не владея самим языком. Естественно, что нельзя подходить к русскому и узбекскому школьнику с одинаковой меркой. А ведь как раз именно в этом основной недостаток действующих программ по русскому языку для узбекских школ.

Методисты не учитывают степени учебной загруженности узбекского школьника. Ведь он изучает три языка сразу: родной язык, русский и один из иностранных.

При изучении родного языка узбекские школьники могли бы найти опору в русском языке, а при изучении русского — в родном. Но эта необходимая взаимосвязь и взаимообогащение языков никак не учтены составителями программ.

Те же недостатки присущи и школьным учебникам. Из рук вон плохо обстоит дело с учебниками по русскому языку и литературе для восьмых, девятых и десятых классов узбекских школ. Нет сколько-нибудь удовлетворительных школьных русско-узбекских и узбекско-русских словарей. Нет хороших наглядных пособий, картин, таблиц.

Методической литературы выпускается очень мало. Стоило бы подумать и об издании в республике специального журнала для преподавателей русского языка. На его страницах могли бы найти решение многие насущные вопросы. Журнал помог бы вести теоретические дискуссии, обмениваться практическим опытом. Пока же педагоги не получают помощи, в которой остро нуждаются.

Другая важная причина неудовлетворительной постановки преподавания русского языка в узбекских школах — слабая подготовка педагогических кадров. Особенно плохо обстоит дело в сельских школах. Многие учителя еле владеют методикой преподавания русского языка, а то и вовсе не владеют ею. Часто преподаватель русского языка в узбекской школе хорошо знает русский язык и слабо — узбекский. И наоборот, учитель, для которого узбекский язык — родной, зачастую не умеет правильно говорить по-русски.

В республике не хватает опытных преподавателей русского языка. Сейчас проблема кадров становится здесь одной из самых насущных. Высшие учебные заведения мало помогают студентам восполнить пробелы в знании русского языка.

В республике до сих пор не созданы учебники и учебные пособия по русскому языку для вузов. Не разработаны и научно не обоснованы вопросы методики преподавания русского языка узбекским студентам. Изучение русского языка в вузах не обеспечено даже самой необходимой литературой.

Слушая лекции на русском языке или участвуя в практических занятиях, узбекские студенты из-за недостаточного знания языка попадают в затруднительное положение. Во многих вузах республики пытаются помочь им переводами лекций на узбекский. Но это пока не дает нужных результатов. Лектор бывает не в состоянии ясно и четко изложить предмет из-за отсутствия научно разработанной терминологии.

Слов нет, в этом отношении узбекскими учеными сделано многое. Лучшее тому доказательство — выход в свет на узбекском языке двадцати одного тома Сочинений В. И. Ленина и тринадцати томов Сочинений И. В. Сталина. И все же во многих переводах с русского языка на узбекский как учебников, так и художественных произведений наблюдается путаница в терминологии и в отдельных словах. Слишком часто встречаются искусственно введенные в узбекский язык слова: тафтиш (контроль), уфк (горизонт), зохирий (видимость), атама (термин) и т. д. Все эти слова возникли в узбекском языке в результате «деятельности» пантюркистов и панисламистов всех мастей и оттенков.

Министерство просвещения и Академия наук Узбекской ССР медленно решают вопросы, связанные с созданием учебников, пособий и словарей по русскому языку. Несмотря на неоднократные указания ЦК КП Узбекистана, сектор русского языка, существовавший в Институте языка и литературы Академии наук Узбекской ССР, в течение ряда лет не подготовил и не издал ни одного учебного пособия по русскому языку для вузов. Академия наук Узбекской ССР и Институт языка и литературы непростительно затянули составление четырехтомного русско-узбекского словаря. До сих пор выпущен только первый том. Не издан и однотомный словарь.

Студенты, прошедшие курс наук в вузе преимущественно на родном языке, слабо зная русский язык, приобретают, как правило, до известной степени ограниченные знания. Они не владеют навыками самостоятельной работы со специальной литературой, которая чаще всего издается на русском языке, и им трудно поступать в аспирантуру.

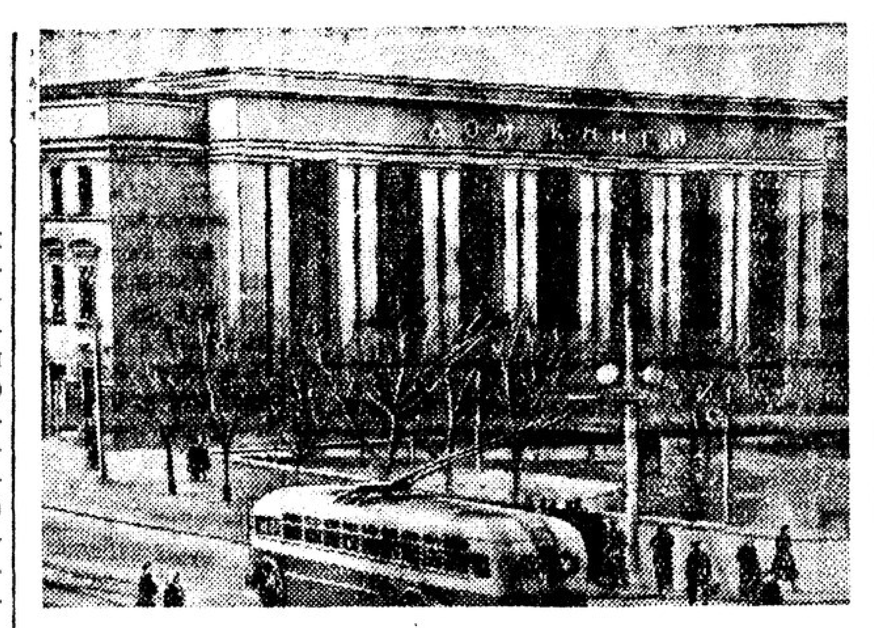
Таким образом, неудовлетворительное преподавание русского языка в школе, где закладываются основы овладения языком, в вузах, где студент должен бы лишь оттачивать свое знание языка, приводит к тому, что некоторые студенты, выйдя из вуза, оказываются неспособными вести научную и педагогическую работу на высоком уровне. Это отражается и на кадрах преподавателей русского языка.

Преподавание русского языка в узбекских учебных заведениях требует от педагога глубоких специальных знаний, свободного обращения с обоими языками, прочной методологической и общелингвистической подготовки, педагогического мастерства.

Преподавателям русского языка в национальных школах надо оказывать всемерную помощь.

Научную работу институтских кафедр русского языка следует направить, главным образом, на выработку методических установок, на создание учебников и пособий по русскому языку для узбекских студентов и школьников. Думается, что за хорошо составленный полноценный учебник следует присуждать ученую степень, как за научно-исследовательскую работу. Нетерпимо пренебрежительное отношение к такому виду творческого труда, как составление учебника или словаря. Эта работа требует высокой научной квалификации.

Необходимо принять все меры к тому, чтобы повысить качество усвоения русского языка нашими студентами и школьниками. Это создаст еще более благоприятную почву для подготовки высококвалифицированных национальных научных кадров.

РОСТОВ-на-ДОНУ. (Наш корр.). Ростов обогатился еще одним культурным учреждением — Домом книги. Это — одно из красивых зданий города. В нем размещен областной библиотечный коллектор. В лекционном зале для читателей и библиотекарей проводятся лекции-обзоры выходящей литературы. Первый этаж дома занят центральным книжным магазином. Здесь же помещается межобластная школа по подготовке книготорговых работников. НА СНИМКЕ: Ростовский Дом книги. Фото Г. ОСОКИНА

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

Люди скромных профессий

Кем бы ни был человек в советской стране — архитектором или металлургом, летчиком или портным,— труд его почетен, профессия уважаема. Однако есть труженики — люди скромных дел и незаметных должностей, чьи фамилии не часто услышишь на торжественном собрании или увидишь на газетной полосе.

Хорошую инициативу проявила костромская газета **«Северная правда»**, напечатавшая перед новым годом подборку «Люди скромных профессий».

«Фрезерная машина... Грачев включает мотор и начинает окончательную отделку обуви. Обтачиваются каблуки, подошвы, равняются ранты. Вот еще одна пара обуви готова»,— так начинается заметка «Мастер первой руки», посвященная костромскому сапожнику Николаю Васильевичу Грачеву.

«Сорок шесть лет он отдал своей профессии. Николай Васильевич прошел ту суровую «школу обучения» профессии, которую так ярко нарисовал А. П. Чехов в рассказе «Ванька Жуков». И двенадцатилетнему Коле Грачеву приходилось часто получать от хозяина «выволочку». Он долгие годы был на побегушках, колол дрова, мыл полы... Только в годы Советской власти в одной из артелей он научился шить мужскую и женскую обувь».

Грачев пользуется большим авторитетом — уже третий год его избирают членом правления артели. Николай Васильевич награжден значком «Отличный сапожник» и почетной грамотой.

Интересна судьба детей сапожника — все дочери Грачева окончили институты, стали инженерами.

Не сложна профессия курьера — казалось бы, ничего, кроме умения быстро ходить, она от работника не требует. Но вот курьер-экспедитор Костромского областного статистического управления Надежда Петровна Соколова сумела проявить инициативу и на этой работе.

«Немало обязанностей у Надежды Петровны. Она должна ежедневно разобрать поступившую почту и распределить ее по секторам, а для этого ей необходимо было изучить все формы учета... Соколова освоила еще одну специальность. Она научилась быстро и грамотно перепечатывать документы на пишущей машинке и ведет всю мелкую переписку секторов».

Газета **«Уральский рабочий»** познакомила своих читателей с начальником поезда Свердловск—Москва Петром Яковлевичем Тимофеевым.

«Забота о пассажирах — главное. Так инструктирует начальник поезда свою бригаду. В книге жалоб и предложений состава — ни одной жалобы, но много теплых, дружеских слов...

Начальнику поезда приходится заниматься, кроме своих прямых обязанностей, самыми различными, часто непредвиденными делами.

Однажды ночью в дверь купе Тимофеева постучала проводница:

— Товарищ начальник! В четвертом пассажирка рожает!

— До Арзамаса довезем?

— Не знаю.

— Устрой пока в «служебном». Помоги ей, сейчас дадим телеграмму в Арзамас.

Пассажирка на перегоне благополучно родила сына. На станции Арзамас ее встретили врачи и взяли в поликлинику.

Для культурного обслуживания пассажиров в составе есть библиотечка, домино, шахматы, шашки».

В **«Псковской правде»** недавно был напечатан портрет работника почты Григория Степановича Антипина. «Полвека на трудовом посту» — гласит подпись под снимком:

«Стоя у почтового стола, Антипин видел, как меняется жизнь в стране. Почтовая марка — маленький цветной квадратик бумаги, приклеенный в углу письма. А как много может рассказать простая почтовая марка!..

...Растет страна, — продолжает газета,—расцветает жизнь, и если не приходится ему самому стоять у домны или водить поезда по новым дорогам, то все равно каждое обработанное им письмо, каждая во-время доставленная газета — это тоже кирпичик, уложенный его руками в строительство новой жизни».

* * *

Раскрыть красоту каждой профессии, показать благородные черты советского человека на любом поприще — задача наших газет и журналов. И, надо думать, именно сейчас, в дни предвыборной кампании, наша печать будет смелее обращаться к этой, редко используемой форме пропаганды на фактах.

БЕССМЫСЛЕННЫЕ ОГРАДЫ И СЕРЫЕ ДОМА

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Город Владимир до Великого Октября был одним из рядовых «провинциальных» городов. Он не мог гордиться своей промышленностью: наиболее «крупными» предприятиями были кирпичный да свечной заводы! Но Владимир славится другим: в русской истории он известен, как преемник Киева и предшественник Москвы —объединительницы Русской земли. Эта историческая страница запечатлена во всемирно-известных архитектурных памятниках Владимира — белокаменных соборах, Золотых воротах и остатках могучих валов. Эти памятники дают представление о высоте архитектурного искусства наших предков, об их тонком понимании величественной красоты владимирских холмов, использованной ими в создании ансамбля древнего города. Этими памятниками мы по праву гордимся.

Теперь Владимир стал одним из крупных промышленных центров Советского Союза. Он преобразился из провинциального «богоспасаемого града» попов, чиновников и торгашей в новый социалистический город передовой промышленности и учебных заведений. Его слава — тракторный завод. Генеральный план его развития, планировки и застройки, утвержденный шесть лет назад, с величайшей бережностью учитывал историческое значение города и потому сохранял в неприкосновенности его древний центр и сочетал то ценное, что оставлено прошлым, с новым строительством города.

Осуществление этого плана — почетная и ответственная задача архитекторов. Новые дома, архитектурный ансамбль улиц и площадей — все это создается не на короткое время, все это войдет в эру коммунизма. Здания, сооружаемые теперь, должны быть художественно совершенными и отвечать высоким потребностям советского человека. Здания и город в целом должны быть проникнуты единым замыслом, воплощающим наши мысли о радости, счастье и красоте настоящего и будущего.

Однако у владимирских организаций такого замысла, такого широкого взгляда на задачи строителей, такой требовательности не заметно.

Первое, что тревожит,—это состояние центральной части города, в частности, его Парка культуры и отдыха; здесь развернулось «монументальное строительство»... оград. Бывшие «Липки» превращены в своеобразную «мышеловку» с одним входом. Через парк не пройдешь по диагональной аллее к Дмитриевскому собору, не пройдешь и в здание облисполкома, не выйдешь к музею. Везде вас встречает весьма уродливая кирпичная ограда с колючим заграждением наверху. Оказывается, ограда сооружена в связи с тем, что вход в парк для отдыха предположено сделать платным...

Такая же ограда, но уже в два ряда, отрезает от улицы III Интернационала Успенский собор. Чьему «оградостроительному» таланту обязан город выдумкой этого дикого и, наверно, не дешево стоящего забора? На наш взгляд, необходимо незамедлительно приостановить растрату денег на это нелепое «строительство», а ограду снести.

В городе за последние годы появилось немало новых зданий. Архитектура их оставляет желать много лучшего.

Здание будущего строительного техникума (архитектор Э. Гамзе) раздражает своей явной безвкусицей — эклектическая смесь различных «стилей» здесь подчеркнута введением в обрамление дома цементных подражаний резному рельефу Дмитриевского собора! Большой жилой дом по улице Фрунзе наводит скуку и уныние своим безликим видом. Конечно, не все новостройки таковы. Очень хорошо, например, административное здание по улице III Интернационала — автор проекта учел соседство построек начала XIX века и выдержал фасад в их стиле. Однако и это здание испорчено грязно-серой цементной расцветкой. Почему-то во Владимире полюбили этот цвет, делающий внешний вид сооружения тяжелым и мрачным. И это в городе с ослепительно белыми памятниками XII века.

Два слова о колоннадах и портиках. Они не случайный элемент в ансамбле города. Опорные колонны колокольни у собора перекликались с колоннадами бывшего Дворянского собрания, далее этот мотив повторяла монументальная аркада Торговых рядов, за нею выходил на улицу колонный портик церкви Николы Златовратского, наконец, композиция замыкалась угловыми круглыми башнями, пристроенными к Золотым воротам. Этому ансамблю нельзя отказать в художественной логике, он отражает тонкое понимание градостроительных задач нашими старыми мастерами. Однако нынешние владимирские архитекторы, очевидно, не поняли этой логики. И, что самое поразительное, Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР «благословило» предложенный ими снос важнейшего звена этого ансамбля, редкого памятника конца XVIII века — аркады Торговых рядов! Украсило это город? Нет. Является это проявлением нигилистического отношения к памятникам архитектуры? Несомненно, да.

Забота о красоте социалистического города и высоком художественном качестве его ансамблей вынуждает отметить еще одно обстоятельство. Построенные на высокой северной кромке города большие жилые корпуса Тракторного завода хорошо видны из центра и с будущего проспекта имени Сталина. Однако строители оставили эти здания без всякой архитектурной обработки, и поэтому они даже издали обезображивают облик города. Подобные ошибки недопустимы в застройке социалистического города — у него нет «задов», нет «окраин», он должен быть безупречен в целом, как ансамбль, и это надо учитывать при разработке и утверждении проектов.

В этом смысле показательна и постройка трансформаторной будки на улице Коммунальный спуск, у самого подножия древнего Рождественского вала,—будка испортила величественную панораму этой части города, с ее могучим зеленым склоном и с белой оградой на его вершине.

Сказанное свидетельствует о хаосе в строительстве нового Владимира и о равнодушии горисполкома и других местных организаций к его архитектуре.

Да и вообще, руководит ли кто-нибудь постоянно и продуманно застройкой Владимира?

Профессор Н. ВОРОНИН,
лауреат Сталинской премии

В НЕСКОЛЬКО СТРОК ИЗ ХРОНИКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

* **Посетители Исторического музея.** Государственный исторический музей в Москве и его четыре филиала посетило в прошлом году более 1.100.000 человек.

* **Колхозники-студенты.** Свыше ста заочников съехались в Литовскую ветеринарную академию на экзаменационную сессию. Большинство заочников — колхозники.

* **35 премьер.** Межрайонные театры Армении показали в этом сезоне 35 премьер. Последней новой постановкой была пьеса Б. Лавренева «Разлом» в Кировакане.

* **Пятилетие студии звукозаписи.** В этом году студия звукозаписи Всесоюзного Дома народного творчества имени Н. К. Крупской отмечает свое пятилетие. За это время студия записала свыше тысячи старинных и современных народных песен, стихов, сказов, басен, поэм и рассказов.

* **Выставка в Саратове.** На первой областной выставке самодеятельного искусства в Саратове показано около шестисот картин, гравюр, скульптур и произведений прикладного искусства.

* **Для строителей Каховки.** В Новой Каховке открылось отделение Всесоюзного заочного энергетического техникума Министерства электростанций СССР. С 1953/1954 учебного года отделение преобразуется в вечернее стационарное учебное заведение.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МЕЛКАЯ ПАХОТА

Днем и ночью работают цехи судоремонтного завода, днем и ночью катит свои тяжелые воды Волга. Мелькают путевые огни, слышатся гудки пароходов, вверх и вниз по реке плывут плоты... Листаешь страницу за страницей, и возникают чудесные пейзажи волжских берегов, образ «неутомимой работницы» Волги, ощущаешь романтику профессии речника. Но почему же, читая повесть **Н. Верховской «В затоне»** (г. Горький, 1952 г., 207 стр.), не испытываешь того волнения за судьбы героев, которое является высшей наградой художнику?

События в повести разворачиваются так: потерпевший аварию теплоход «Адмирал Нахимов» приходит в затон. Главный инженер завода Лопухов предлагает поставить его на капитальный ремонт. Теплоход всю навигацию должен простоять на приколе, но... что поделаешь! У завода и без того напряженный план. Лопухову противостоит Воронцов — начальник конструкторского отдела завода, «инженер с искрой, с превосходным чутьем нового». Так говорит о нем директор. Воронцов предлагает отремонтировать «Нахимова» сверх плана скоростными методами. Для него вопрос не только в этом теплоходе. Воронцов убежден, рано или поздно наряду с ремонтом завод будет строить и новые суда для Большой Волги. Это его творческая мечта. Ремонтируя «Нахимова», заводской коллектив приобретет опыт, необходимый для судостроения. Лопухов же считает все это наивной фантастикой. Опытный инженер, человек индивидуалистической складки, властный и деспотичный и на работе и в семье, он не понимает возможностей коллектива, пытается ограничить сферу деятельности завода «рамками продуманной им системы».

Ситуация жизненная: автор хотел показать борьбу за творческий рост коллектива. В ней могли бы со всей полнотой раскрыться характеры. Но если события, связанные с ремонтом теплохода, ломают характер Лопухова, вынуждая его пересмотреть свои жизненные позиции, причем об этом рассказано психологически точно и убедительно, то положительно заданный образ Воронцова остается статичным на всем протяжении повести. Не на чем проявиться своеобразию этого сильного характера (так он задуман автором), потому что настоящей борьбы в повести нет. Едва только намеченная вначале, она затухает уже на странице 57, когда после решения партийного актива все действующие лица безоговорочно становятся на сторону Воронцова.

На остальных 150 страницах встречаются препятствия — не хватает рабочих рук на конопатке, не подвезен во-время железный лист,— но все они легко устраняются доброжелательной рукой автора и не способствуют раскрытию характеров героев. Вот пример: после неприятного объяснения с Лопуховым Воронцова одолевает сомнение. Отдел загружен работой, как выкроить время для «Нахимова»? Но вот появляется парторг. «... Есть выход, — бодро говорит он,— выпусти чертежи барж досрочно — вот тебе и будет время!» Вот уж поистине: «нашлись рукавицы за поясом». Воронцов же принимает этот совет, как некое откровение. «Лицо Воронцова постепенно прояснилось, и, вдруг улыбнувшись, он сказал: — А ведь это верно...»

Так же легко и просто герои выходят из всех затруднительных положений. Причем рассказывается об этом в какой-то облегченной манере.

Примитивно ведут себя герои повести. Вот как держится директор: на страницах 46—49 он «солидно пробасил», «пыхнул дымом, как паровоз», «усмешливо протянул», «ворчливо прервал» и, наконец, «шумно вздохнул». На странице 55 «контрабасом проворчал», на странице 64 «прогудел», а затем «медведем рявкнул» и т. д. Право же этот басящий, гудящий, рявкающий директор не вызывает ни доверия, ни уважения. «Гудит» и сварщик Румянцев, «пропел» в разговоре с парторгом матрос Фомичев, «прожурчал» мастер Афанасьев.

Это отнюдь не придирки к неудачно выбранным выражениям. Цепляясь друг за друга, словечки эти сливаются в общем в какую-то снисходительную, а кое-где умиленную интонацию автора, создают впечатление несерьезного, неуважительного и равнодушного отношения автора к собственным героям.

Эта интонация, как один из приемов облегченной манеры письма, появляется, мне кажется, тогда, когда отсутствует то глубокое проникновение в материал, которое обязательно предшествует созданию подлинно художественного произведения и которое Л. Толстой называл «предварительной», внутренней работой художника. «Я тоскую и ничего не пишу,— жалуется он в письме к Фету, — а работаю мучительно. Вы не можете себе представить, как мне трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на котором я принужден сеять».

Мне кажется, именно отсутствие этой «глубокой пахоты» привело к тому, что задуманная на основе богатого, своеобразного, почти не использованного в литературе материала повесть получилась поверхностной, малоубедительной, оказалась ниже творческих возможностей автора.

Ирина ИРОШНИКОВА

◇

ШКОЛА МУЖЕСТВА

Книги, написанные живыми, непосредственными участниками Великой Отечественной войны, всегда вызывают особый интерес и часто дороги нам уже одной только героической судьбою их авторов.

Изданные недавно записки капитана I ранга **В. Старикова «На боевом курсе»** («Молодая гвардия», 1952 г., 175 стр.) принадлежат к числу именно таких книг. Автор записок — Герой Советского Союза, в войну командовавший подводной лодкой, комсомольский экипаж которой за боевые отличия был удостоен гвардейского звания. Место действия — Северный флот в 1941—1942 годах.

Крохотные отсеки подводной лодки (где новый человек, попытайся он двигаться быстро, непременно расшибет голову). Боевые тревоги. Вражеские самолеты над головой. Штормы и морозы в сорок-пятьдесят градусов, когда палубный настил превращается в ледяную площадку и поручни обрастают льдом. Все это — повседневный быт, просто, без прикрас описанный автором. Как должны быть мужественны люди, не только свыкшиеся с этим бытом, но и по-своему полюбившие его так, что корабль стал для них родным домом! А ведь без такой любви немыслим настоящий моряк.

Мы читаем о том, как напряженно учатся и овладевают техникой люди, как они работают без отдыха, готовя подводную лодку к походам под бомбежкой и обстрелом, в жестокий мороз согревая своим телом боевые механизмы или в сплошной темноте, захлестываемые ледяной водой, наощупь исправляя повреждения. И мы понимаем, что именно эта закалка людей является прочной основой их побед и подвигов, совершаемых во имя Родины.

Вот один эпизод. Подводная лодка топит транспорты в военной базе врага. Преследуемая фашистскими кораблями, она натыкается на противолодочную сеть. Нельзя подняться на поверхность, нельзя и погружаться дальше: достигнута предельная глубина, и корпус лодки может не выдержать давления. Нехватает кислорода. Кажется, выхода нет. Фашистские корабли в этих случаях сдаются безоговорочно. Но не таковы наши моряки. Лучше смерть, чем плен. Но еще лучше, собрав все силы, энергию, волю, бороться за жизнь до последней возможности и победить. Так и поступает единый, крепкий своей дисциплиной и воинской дружбой коллектив. И в конце концов лодка пробивается через казавшуюся непреодолимой преграду. И таких эпизодов, где раскрывается мужество подводников, в книге немало.

Мы успеваем полюбить умного, самокритичного командира лодки, его поразительно хладнокровного помощника Щекина, влюбленного в свою профессию, скромного и находчивого моряка Тюренкова и других.

И все же, читая записки В. Старикова, все время думаешь о том, что многое могло быть написано гораздо лучше. И тут хочется высказать ряд упреков не только автору, но и издательству и писателю Н. Михайловскому, которому, как это значится на титульном листе, принадлежит литературная обработка.

Книгу портит обилие техницизмов такого рода: «Видя, что пневматические машинки не срабатывают, командиры отсеков бросились вручную открывать кингстоны и клапаны вентиляции главного балласта...», а также сухость и однообразие авторских характеристик героев, порой напоминающих служебные отзывы.

Вот что говорится, например, об инженер-механике Смычкове: «Большая любовь к технике, пытливость ума и исключительное упорство в достижении цели были присущи ему» или о молодом наводчике Зубкове: «Ему было двадцать два года, но свое дело он знал в совершенстве».

В. Стариков—не профессиональный литератор. Для него, человека военного, быть может, естественна и техническая терминология и привычка, оценивая достоинства людей, пользоваться принятыми, официальными формулировками, но от литературной обработки Н. Михайловского в значительной степени зависело, каким будет язык книги, а он мог быть более живым и ярким.

Г. СКУЛЬСКИЙ

◇

РАДИЩЕВ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

«...Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? кого же мы будем помнить?» — этот горький упрек из письма Пушкина к Бестужеву **Вл. Орлов** поставил эпиграфом к своей работе **«Радищев и русская литература»** (изд. второе, дополненное, «Советский писатель», 1952, 246 стр.).

В дореволюционной буржуазной науке считалось, что тема «Радищев и русская литература» вообще не имеет права на существование. Реакционные идеологи из десятилетия в десятилетие объявляли Радищева «забытым» и пытались замолчать его творчество, как и самую память о великом писателе. В советском литературоведении реакционная легенда о Радищеве полностью разоблачена. Значение наследия Радищева в истории русской литературы и общественной мысли впервые получило подлинно научное освещение.

Вл. Орлов на большом материале показывает, что «потаенная» жизнь мысли и слова Радищева не прерывалась никогда. При этом автор удачно избегает опасности ограничиться обзором отдельных оценок Радищева русскими писателями. Его книга стала рассказом об идейных связях Радищева с передовой литературой, возникавших из потребностей и условий развития самой русской действительности. Это позволило автору убедительно выявить радищевскую струю и в произведениях, написанных, быть может, вне непосредственного воздействия «Путешествия из Петербурга в Москву», как, например, в «Дмитрии Калинине» Белинского или беллетристике Герцена 40-х годов.

Автор приводит интересные свидетельства, говорящие о могучем влиянии Радищева на судьбы русской литературы.

Новое издание книги Вл. Орлова почти вдвое превышает по своему размеру первое издание, вышедшее в свет в 1949 году, когда отмечалось двухсотлетие со дня рождения Радищева. Тем не менее в книге находишь далеко не все, к чему обязывало автора обращение к радищевской традиции в русской литературе. Разумеется, автор вполне прав, когда предупреждает читателя, что «в рамках краткого научно-популярного очерка невозможно обнять весь круг... сложнейших историко-литературных проблем», вытекающих из темы книги. Но, например, вопрос о художественном новаторстве «Путешествия» и других произведений Радищева и его значении для последующего развития русской литературы можно и должно было осветить подробнее. Явно неравномерно распределил автор свое внимание между различными периодами: связи Радищева с литературой конца XVIII и первых двух десятилетий XIX века он проследил значительно полнее, чем дальнейшую судьбу радищевского наследия. Если в отношении 1810 — 1820 годов автор почти исчерпал не только упоминания, но даже попытки упомянуть о Радищеве в печати, то для некоторых отзывов Герцена или Добролюбова в работе места не нашлось. Свидетельства Тургенева, Никитина и других оказались в сноске, иные подменены библиографическими справками и т. д.

Несмотря на пробелы, книга Вл. Орлова остается интересной работой, на ярком примере раскрывающей великую преемственность русского революционно-освободительного движения.

В. ПУТИНЦЕВ

ИСПОРЧЕННАЯ ПОВЕСТЬ

В повести **Ник. Васенева «Тайна большой сосны»** (Киров, 1952 г., 73 стр.) два пионера сперва ищут некий «клад», потом дело оборачивается так, что они отправляются искать уже и тех, кто этот клад спрятал...

Как известно, сюжет, основанный на поисках, дает возможность широкого включения в действие познавательного материала. Начиная читать «Тайну большой сосны», мы тем более ждем, что молодой советский автор не ограничится только развлекательной стороной сюжета. Однако число прочитанных страниц увеличивается, а действие продолжает развиваться все в тех же рамках рассказа о приключениях, не больше. И с нахождением клада познавательный материал так и не появляется! Когда мы уже готовы остановиться на огорчающей нас мысли, что молодой автор оказался не на высоте, происходит тот сюжетный поворот, о котором мы сказали выше: клад найден, но нужно найти еще и его хозяев. Вот тут-то, во время этих поисков, когда автор то и дело посылает своих маленьких героев по ложному следу и каждый раз поэтому сталкивает их с каким-нибудь новым для них человеком,— тут и обнаруживается, чему, собственно, отвел автор роль «познавательного материала» в своей повести — людям!

Очень хороший замысел! В самом деле, если развертывание перед читателем тех или иных картин мира расширяет круг его знаний, то его встречи на страницах книги с разнообразными советскими людьми могут не в малой степени способствовать обогащению и его нравственного багажа и его духа.

Поставив в центре замысла людей, автор должен был особенно серьезно поработать над созданием их характеров. К сожалению, Ник. Васенев старается создать характеры исключительно из положительных качеств. Что ж, и получаются плоские фигуры, так и остающиеся лежать на страницах книги,— верно, они не способны встать и покинуть страницу. Куда там: бумажные ноги! Встать и покинуть страницы и уйти вместе с читателем в даль его жизни, как уходят герои великих книг...

Никто не требует от каждого писателя, чтобы он был великим, но если он пишет книгу для детей, то он должен думать о том, что его будущий читатель, не склонный по самому духу молодости делать какие-либо скидки, может и сравнить его произведения с великими образцами. Отсюда понятно, что как раз авторы детских книг должны ставить себя в условия особой требовательности к себе.

Ник. Васенев не всегда помнит об этой требовательности. Вот, например, как он

ЛЮДИ СЕВЕРНОГО КРАЯ

Л. ВОРОНКОВА

Русский человек долго жил на Чукотке, учил грамоте чукотских детей, кочевал со своей школой в тундре, переносил вместе с «олеными людьми» долгую ночь полярной зимы и встречал вместе с ними незаходящее солнце полярного лета...

И позже, живя в больших городах, человек этот понял, что в душе его осталась большая любовь к тому краю, что память его сердца хранит и всполохи северных сияний, и храп бегущих оленей, и лица смуглых людей в кухлянках, дружеские лица, улыбающиеся ему сквозь даль пробежавших лет... И человек этот затосковал, ему захотелось еще раз послушать тишину бескрайних заснеженных тундр, встретиться с охотниками и оленеводами, живущими там, пережить с ними и пургу, и ясные, полные незабываемой прелести дни весны, посмотреть, как идут в колхозе дела...

Так, представляется мне, и была написана Николаем Шундиком книга «Быстроногий олень».

У автора живописное поэтическое перо — оттого так ярко, с таким живым дыханием встает перед глазами своеобразная жизнь чукотского колхоза. На «большой земле» идет война, там поля истерзаны снарядами, там горят разбитые бомбами города. Здесь, на дальнем берегу Ледовитого океана, бомбы не падают, но тяжкий сумрак войны, как туча, висит над всей жизнью колхоза. Никто не забывает о том, что там, на далеком фронте, бьются люди, отстаивая Родину. Там сейчас умирает в госпитале «крылатый человек» Тэгрын, брат Гивэя и Айгинто. Охотники добывают песцов для фронта, ловят нерпу в студеном море... Чтобы выполнить повышенный план, они выходят на охоту даже в полуночные морозы, когда ветер огнем обжигает лицо, а пурга валит с ног, угрожая похоронить в снеговых сугробах... Читая эти страницы, видишь, как хорошо, как талантливо умеет показать автор высокую красоту самоотверженного труда и красоту человека в его труде.

Движется жизнь, колхозы соревнуются. Колхоз «Быстроногий олень» в Янрае, где председателем молодой, вспыльчивый и слишком прямолинейный Айгинто, безнадежно отстает. Секретарь райкома Ковалев, видя это, посылает в Янрай сильного, спокойного и умного парторга Гэмаля. С большими усилиями догоняет Янрай своих богатых соседей илирнэйцев. И хотя далеко еще Янраю до Илирнэя, но уже задумались колхозники Янрая над тем, насколько лучше их живут люди в Илирнэе: там в домах горит электричество, там есть косторезная мастерская, приносящая колхозу большой доход, там питомник хороших собак и стада породистых оленей... А почему же и в Янрае этого нет? Почему у них в ярангах еще горит нерпичий жир?

И берутся за дело янрайцы, они хотят, чтобы у них тоже было электричество, чтобы и у них были породистые олени и собачий питомник...

Новое все больше и больше занимает места в быту, в сознании людей, и люди меняются. Упрямый старик Анкоче, приготовивший винчестер, чтобы застрелиться, если его переселят из яранги в деревянный дом, все-таки в этот дом переселяется... Меняется и самый ленивый колхозник Иляй, который больше всего на свете любит лежать с трубкой в своем меховом пологе...

Парторг Гэмаль говорит ему:

— Большинство людей в домах живут или в хороших, теплых ярангах. А такой скверной, как у тебя, ни у кого нету.

— Ну вот и хорошо,— отвечает он.— Ни у кого нет такой яранги, а у меня есть...

И вот этого Иляя, с глазами, «похожими на запятые с острыми хвостиками», поднимает колхоз — в конце книги Иляй уже заведующий питомником собак, он выступает на большом собрании в районе и беседует с самым уважаемым человеком — секретарем райкома Ковалевым...

Мы видим, как сбрасывает свое вековечное рабство чукотская женщина. Женщины идут охотиться наравне с мужчинами. Они работают в пошивочной мастерской, и мастерской этой заведует молодая Тимлю, до той поры безмолвная, запуганная своим отчимом девушка. Женщины учатся грамоте. Жена Иляя, красавица Тэюнэ, становится сначала бригадиром охотничьей бригады, а затем медсестрой...

Люди в романе живут. Многие фигуры сделаны так крепко, так отчетливо, что иногда кажется, что не в книге о них прочитала, а видела когда-то в жизни, и что не Шундик о них рассказал, но я сама их знала. Живые, давно знакомые, встают они перед глазами: вот крупная фигура парторга Гэмаля, умного и твердого человека, вот горячий живой председатель колхоза Айгинто, вот его брат Гивэй, талантливый с жаркими глазами юноша, которому непременно надо знать, как устроены все машины на свете, и непременно надо стать летчиком, чтобы заменить погибшего на войне брата... И многих других отважных охотников и оленеводов можно бы перечислить здесь.

Очень ласково, в светлых тонах написаны образы русских. Секретарь райкома Сергей Яковлевич Ковалев, бывший учитель, спокойно и вдумчиво выполняющий свою сложную, ответственную работу. Молоденькая учительница Оля, чуткая и отзывчивая. «Олений доктор» Нояно — получукчанка-полурусская, выносливая, сильного характера девушка, презирающая насмешки и предубеждения пастухов против женщины, взявшейся за мужское дело. Журба, веселый и жизнерадостный молодой инструктор райисполкома, бывший до этого несколько лет учителем в чукотской школе... Такие вот светлые и чистые люди заселяют роман. Один лишь заведующий райзо Караулин заносчив, спесив, кое-что делает смаху... Но вредит он этим не много, секретарь райкома тотчас выправляет его ошибки, а по существу Караулин тоже очень хороший человек.

С теплым сердцем закрываешь книгу. Но закроешь книгу, и вдруг начинается какое-то раздумье: а не слишком ли хорошие все эти люди? И не слишком ли они все благополучны? Идет война, в колхозе горюют о Тэгрыне. Но война кончилась, и о ней сразу забыли. Забыл автор, забыли люди, живущие в Янрае, кончились все горести, связанные с войной. А разве в Янрае только один Тэгрын погиб, разве война больше никого не коснулась? Сколько видели мы плачущих жен и матерей, в великий день окончания войны оплакивающих своих близких, не доживших до этого дня,—разве на Чукотке не было так же?

Пять любовных линий проходит в романе. Ситуации сложные: жена Иляя любит Гэмаля, бывший кулак Эчилин держит Тимлю чуть ли не в рабстве и не собирается отдавать ее Айгинто, пылкий Гивэй как будто совсем безнадежно любит русскую учительницу Олю, девушка Аймынэ бежит от своего родственника, бывшего кулака Чымнэ к своему любимому — Тымнэро... Казалось бы, много препятствий стоит между всеми этими любящими людьми. Но все препятствия преодолены в романе довольно легко. Любящие пары женятся, и почти все счастливы... Несчастье на некоторое время задержалось в доме секретаря райкома Ковалева: жена его контужена на фронте, она ослепла. Но на последних страницах приходит известие, что Галина все-таки будет видеть, и теперь уже все счастливы. Думается, что в жизни все это гораздо сложнее, труднее, и счастье не выдается людям такими вот равномерными пайками, какими щедро наделил автор своих любимых героев.

А еще задумываешься вот о чем: почему это в книге совсем нет детей? Нас, пишущих для детей, не раз упрекали в том, что в наших книгах часто действуют одни дети и совсем не видны взрослые. Упрек справедливый, так в жизни не бывает. Но ведь и так не бывает, чтобы жизнь взрослых проходила без участия или хотя бы присутствия детей.

Если судить по книге Семушкина «Чукотка», то чукчи особенно нежны и заботливы к своим детям. Но как же здесь, в таких хороших семьях янрайских колхозников, ни разу не услышали мы детского голоса? И не только детей не увидели мы, но даже мыслей у всех этих людей, живущих широкой и полной жизнью, ни одной мысли о детях не подслушали мы у них вместе с автором. А ведь дети — это одна из самых огромных сил, движущих и часто диктующих поступки человека и даже самую его жизнь.

А теперь о врагах. Новый быт, новые обычаи, новые отношения все шире и крепче в чукотских селениях и стойбищах. Но темное прошлое еще не умерло. Оно таится в злобных замыслах бывшего кулака Эчилина, в его попытках навредить колхозу. Это прошлое — в призрачном образе сумасшедшего шамана, призывающего злых духов и все несчастья на головы колхозников...

И есть в романе еще враг — это враг пришлый. Он явился из-за моря. Этот враг—американский шпион Стэнли. И образ хищника Николай Шундик мог и должен был дать гораздо ярче и убедительней. Савельев — Стэнли в романе проходит стороной, появился и исчез, и не запомнился.

О врагах надо говорить более полным голосом и с более определенным авторским отношением.

Хочется сделать еще несколько маленьких замечаний. Вот, например, Тэюнэ глядит на Гэмаля, и в глазах ее «устоявшаяся тоска». По-моему, это сказано сильно, выразительно, это задевает сердце. Но такие слова можно произнести только один раз, их уже нельзя давать еще кому-нибудь, как это сделал автор, дав эту «устоявшуюся тоску» и голосу старика Анкоче. Или вот у Гэмаля, когда он подходил к яранге Иляя, «заспешило сердце». Это сказано хорошо, но и тут автор делает ошибку, повторяя несколько раз удачное выражение и не чувствуя, что от повторений оно теряет свою силу.

Впрочем, все эти недостатки не мешают любить книгу Шундика, потому что она горячая и талантливая.

Оставляешь ее с теплым чувством к людям, созидающим новую жизнь на далеком краю нашей земли, и с благодарностью к автору за то, что он о них рассказал.

Н. Шундик. «Быстроногий олень». Роман, журнал «Октябрь», №№ 9 и 10 за 1952 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

В МОЛДАВИИ

О ЖУРНАЛЕ «ОКТОМБРИЕ»

В минувшем году журнал республиканского Союза писателей «Октомбрие» («Октябрь»), выходящий на молдавском и русском языках, познакомил читателей с новыми крупными произведениями местных прозаиков. На его страницах были напечатаны поэмы и стихи пятнадцати поэтов. Е. Буков и Б. Истру, побывавшие на строительстве Волго-Дона, опубликовали циклы стихов о первенце великих строек коммунизма. Напечатал журнал несколько литературоведческих и критических статей.

И все же «Октомбрие» далеко не удовлетворяет возросших запросов своих читателей. Об этом говорилось на собрании писателей, обсуждавшем отчетный доклад главного редактора журнала В. Галиц. В журнале редко публикуются очерки об успехах молдавского народа в строительстве новой жизни, неудовлетворительно ведется отдел критики и библиографии, отсутствуют острые и боевые статьи, разоблачающие растленную буржуазную культуру. Нет в журнале статей местных ученых, работников промышленности, передовиков сельского хозяйства.

Как показали прения, правление ССП знало о серьезных недостатках в работе своего печатного органа, но не принимало мер к их устранению.

ДРУЖБА ПИСАТЕЛЕЙ ДВУХ РЕСПУБЛИК

С каждым годом крепнет творческая дружба писателей Украины и Молдавии. В Киеве выходит на украинском языке сборник произведений молдавских поэтов и прозаиков. В свою очередь в Молдавии выйдет в этом году сборник рассказов украинских писателей, переведенных на молдавский язык.

Правление ССП Украины пригласило в Киев большую группу молдавских прозаиков, поэтов, драматургов и критиков. Гости выступят перед трудящимися украинской столицы с докладами о молдавской советской литературе и чтением своих произведений.

ТВОРЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

В Тирасполе, Бельцах, Сороках и других городах Молдавии, при Кишиневском университете, педагогическом институте плодотворно работают творческие объединения молодых авторов. Они насчитывают свыше двухсот начинающих прозаиков, поэтов, драматургов и литературных критиков.

В минувшем году кандидатами в члены ССП Молдавии принята группа молодых авторов.

МОЛДАВСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Издательство «Советская школа» выпустило сборник «Пословицы, поговорки и загадки», подготовленный писателем Л. Корняну. Это — первый сборник молдавского фольклора, изданный за послевоенное время. В Государственном издательстве подготовлен сборник «Молдавский фольклор», составленный писателями В. Галиц и Л. Корняну. В нем будут представлены лучшие образцы народного песенного творчества.

И все же приходится отметить, что сбор, изучение и пропаганда фольклора поставлены плохо. Этим разрозненно, дублируя друг друга, занимаются несколько научно-исследовательских и учебных заведений, отдельные писатели, но никто не координирует их работу.

ИЗДАНИЕ КЛАССИКОВ

ССП Молдавии, Научно-исследовательский институт истории языка и литературы и филиал Академии наук СССР провели большую работу по выявлению и изучению классического литературного наследия молдавского народа. В результате этого стало возможным подготовить к изданию несколько однотомников избранных произведений молдавских классиков.

Издательство «Советская школа» выпустило однотомник А. Донич, Госиздат Молдавии готовит однотомники избранных произведений И. Крянгэ и К. Негруцци. Выйдет однотомник К. Стамати.

Избранные произведения И. Крянгэ и К. Негруцци будут изданы и на русском языке.

Вл. ПОНЕДЕЛЬНИК,
спец. корр. «Литературной газеты»
КИШИНЕВ

ФЕЛЬЕТОН

Когда подтверждаются факты...

В нарушение фельетонных канонов, не будем интриговать читателей и скажем прямо: бывший директор Кустанайского областного драматического театра Анна Филипповна Погостина никогда театральным работником не была и никакого отношения к искусству не имела. До прибытия в Кустанай она работала паспортисткой, кассиром, дежурным администратором колхозного Дома приезжих. Однако при Доме колхозника имелась своя чайная, а чайная, как никак,— культурное заведение. Это обстоятельство и дало возможность причислить Анну Филипповну к кадрам работников культурного фронта или хотя бы его ближнего тыла.

Бразды правления в театре Анне Филипповне пришлось взять случайно, в силу неудачного стечения обстоятельств. Так как к моменту ее прибытия в Кустанай там не оказалось вакантных мест ни в городской торговой сети, ни в коммунальном отделе, а была лишь свободная должность в областном театре, то, хочешь не хочешь, пришлось Анне Филипповне подаваться в искусство.

Секретарь горкома партии тов. Мельников санкционировал ее кандидатуру: горком как раз срочно искал подходящего человека для укрепления драматического театра.

«Смелый эксперимент» кончился так, как можно было предвидеть заранее: через некоторое время Анну Филипповну пришлось снять за развал работы. Кроме того, она отличилась неблаговидными поступками — использованием служебного положения.

К сожалению, пребывание работника, вроде Погостиной, на посту руководителя Кустанайского драматического театра — явление не эпизодическое.

Уже в течение двух лет происходит невероятная чехарда с директорами Кустанайского драмтеатра. Сравнить ее можно только с другой чехардой, происходящей в том же театре: за последний год здесь перебывало пять главных режиссеров. Неудивительно, что театр захирел и влачит жалкое существование.

Вот уже скоро год, как о нем пишут в местных газетах, сюда приезжают для обследования московские работники Комитета по делам искусств, вперемежку с грозными приказами из Алма-Аты летят на самолетах инспекторы, о театре говорят на заседаниях Кустанайского обкома партии, выносят пространные решения, и все хором подтверждают, что театр находится в тяжелом, иные добавляют: в крайне тяжелом состоянии. Но внимание это — ложное, внимание-пустоцвет.

Сначала нескрываемую тревогу высказала кустанайская областная газета «Сталинский путь». Сигнал газеты молчаливо приняли, согласились с ним, и... все осталось попрежнему.

Тревожные слухи дошли и до Алма-Аты, где находится Управление по делам искусств при Совете Министров Казахской ССР. В начале минувшего лета из Алма-Аты в Кустанай полетел строгий приказ. Умилительна была вера его авторов в чудодейственную силу приказного слова! Руководству театра (которого фактически не существовало) предписывалось обеспечить проведение летних гастролей «на высоком художественном и организационном уровне». Кроме того, приказ обязывал «обеспечить комплектование творческого состава театра, привести его в полную готовность к началу зимнего сезона». Было много и других поучений, наказов, предписаний и требований. Но...

Через полтора месяца в редакцию «Литературной газеты» пришло письмо, в котором один из читателей газеты рассказывал о беспорядках в театре. Письмо направили в Алма-Ату с просьбой разобраться и, конечно, принять необходимые меры. На сигналы газеты в Алма-Ате реагировали довольно быстро. В Кустанай экстренно отправился старший инспектор Управления по делам искусств тов. Горский. Проверив факты на месте, доложил, что они подтвердились. В результате, 15 сентября 1952 года появился на свет новый приказ начальника управления тов. Ахметова.

Отмечая справедливость сигнала печати, тов. Ахметов добавлял, что «при проверке вскрыт также ряд других недостатков в деятельности театра».

Новый, осенний приказ тов. Ахметова чем-то неуловимо напоминал прежний, датированный началом лета. Правда, там освобождался от работы один директор, а тут говорилось о Погостиной. Но дальше, как по однажды напетой пластинке, снова говорилось о неправильном подборе творческих кадров, о том, что театр оказался неподготовленным к летним гастролям и т. д. И опять, как заклинания, звучали слова: «обязать», «поручить» «устранить недостатки».

Затем прошло еще три месяца. Давно уже лежал в редакционном столе успокаивающий ответ тов. Байгалиева — заведующего отделом литературы и искусства ЦК партии Казахстана, который извещал редакцию, что факты, указанные в письме, подтвердились, что А. Ф. Погостина и режиссер Борский сняты с работы, что «принимаются меры к улучшению работы Кустанайского областного театра». Казалось бы, за судьбу кустанайского театра можно было больше не беспокоиться.

Но...

Но опять в редакцию пришло новое письмо из Кустаная, и тогда уже автор этих строк, собрав чемодан, отправился по поручению газеты проверять, что же происходит в Кустанайском драматическом театре.

Свидетельствую: факты подтверждаются снова. Вопрос о положении в театре обсуждался на бюро Кустанайского обкома партии, но пока никаких практических результатов нет. Вопреки заклинаниям и приказам, театральный сезон в Кустанае начали с месячным опозданием. К началу сезона труппа рассыпалась, театр не мог показать ни одного спектакля Вопреки утверждению тов. Байгалиева, Анна Филипповна Погостина по случаю своей незаменимости продолжала работать в театре еще целых два месяца после того, как ее освободили по приказу. И режиссер Борский, якобы снятый тем же приказом, продолжал ставить и проваливать пьесы. Что же касается нового директора, то у городских и областных организаций на этот счет накопился необходимый опыт: не первый раз снимать и назначать директоров театра! Что из того, что тов. Попов, утвержденный в этой должности, тоже не имеет ни опыта, ни театрального образования. Он все же куда ближе к театру, чем Погостина! Он слывет в городе неплохим баянистом, а когда стал директором театра, то почувствовал себя даже актером. Во всяком случае, на гастролях с завидной смелостью принял на себя исполнение ролей. К сожалению, зрители не испытали удовольствия от этой отваги тов. Попова.

Что же касается основной своей роли — директора, то и в этом амплуа тов. Попов показал себя не лучше, чем на сцене. Театр продолжает хиреть, зрители перестают его посещать. В холодном, нетопленом зале собираются иной раз тридцать, от силы сорок зрителей-энтузиастов. Кассирша закоченевшими руками подсчитывает выручку: 200—300 рублей за вечер, а нужно было бы собрать свыше двух тысяч. Все дотации, которые были, уже съедены. Не в состоянии больше помогать и меценаты из горисполкома. А меценатство, к слову сказать, носит в Кустанае своеобразный характер. Долгое время театр поддерживали за счет... пионеров. Под видом аренды театра (угол в кассе) из бюджета Дома пионеров ежегодно в приказном порядке изымались десятки тысяч рублей. Кстати говоря, пионеры вообще превратились в Кустанае в доходную статью, особенно после того, как у них отобрали помещение. В городе рассудили так: раз Дома пионеров нет,— не к чему и средства расходовать на пионерскую работу! И вот эти деньги используют на самые различные городские нужды.

Вместо конкретной, деловой помощи своему театру, вместо заботы об элементарных бытовых нуждах актеров, в Кустанае и Алма-Ате горько сетуют на неполадки, пишут приказы и подтверждают давно известные факты.

Однако уместно поставить перед Управлением по делам искусств при Совете Министров Казахской ССР и руководителями Кустанайской области простой вопрос: нужен ли вам свой драматический театр, дорогие товарищи? А если нужен, то собираетесь ли вы им всерьез заниматься?

Лиц, коим в Казахстане придется заинтересоваться этим фельетоном, просим: пожалуйста, не тратьте больше сил на подтверждение фактов. Они уже проверены. Знаете, это так грустно: когда факты без конца только подтверждаются...

Юр. КОРОЛЬКОВ

Вечер, посвященный И. Бехеру

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Секция переводчиков местного отделения ССП провела вечер, посвященный лауреату международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» немецкому поэту Иоганнесу Бехеру. Со вступительным словом на вечере выступил литературовед А. Дымшиц. Новые переводы стихов И. Бехера и других поэтов Германской Демократической Республики прочел Л. Гинзбург. В обсуждении переводов приняли участие В. Адмони, Б. Тимофеев, Б. Томашевский и др.

описывает одно из действующих лиц: «В 1943 году, когда Евгений Федорович был в 9-м классе, у него на фронте погиб отец. Тогда Евгений Федорович добровольцем ушел воевать... Ему было всего еще 17 лет, а он уже первый орден получил за то, что притащил из разведки какого-то немца, очень важного. А потом с группой разведчиков он фашистскую комендатуру в одном селе разгромил и секретные документы захватил. За это ему тоже орден дали. А потом еще...»

Подождите, дайте перевести дух!

«А потом еще Евгений Федорович раненого командира с поля боя вынес из-под обстрела».

А потом еще—скажем мы интонацией автора — читателю становится известно, что Евгений Федорович покрыт не только воинской славой.

«...он умеет корзинки плести из ивовых прутьев, что нигде больше таких не найдешь».

А потом еще: «В лесу он все деревья, все травинки знает, и где какой зверек и где какая птица живет».

Кто же этот герой, который буквально в два счета соединил в себе столько необыкновенных качеств? Пионервожатый. Причем даже и не играющий в повести какой-либо особой роли, эпизодическое лицо.

Ну как можно было допустить такую поспешную перечислительную и потому неправдоподобную, крайне идеализированную характеристику, и притом еще в детской повести?

Повесть нам кажется испорченной, и именно тем, что автор подпал под влияние одной из установок теории бесконфликтности: стремления показать все в преувеличенно положительных тонах. Не допусти автор этой ошибки, повесть получилась бы лучше. Ведь в ней есть удачи! Хороши оба героя с их дружбой, с их веселыми разговорами; живым получился и образ старого бакенщика, рассказывающего пионерам о легендарном Чапаеве; оставляет впечатление также и один из хозяев клада, к тому времени, когда идет рассказ, уже ставший заслуженным летчиком; значительность самого замысла мы отмечали уже вначале.

Следует сказать также, что, избрав трудную манеру изложения от первого лица — мальчика, автор сумел сохранить особенности живой детской речи, ее юмор.

Юрий ОЛЕША

ПОЭЗИЯ НИКОЛАСА ГИЛЬЕНА

В русском переводе вышла книга кубинского поэта Николаса Гильена «Стихи». (Издательство иностранной литературы, Москва, 1952 г., 107 стр.).

Это горячая, взрывчатая книга. Ее читаешь со счастливым чувством узнавания живого и яркого поэтического характера. Сквозь ее страницы виден сам поэт, блеск его глаз, его любовь и гнев, видна «сахарная Куба», ее народ, живущий трудной подневольной жизнью, наделивший Николаса Гильена своеобразным поэтическим голосом, острой мыслью и глубокой страстью.

Далека от нас родина поэта — Куба. Но читатель забывает о расстояниях, читая Гильена. Читатель слышит голоса простых и близких ему людей — тружеников на плантациях сахарного тростника, которых нагло и беспощадно эксплуатируют американские компании. Читатель узнает, что и там живет слово гнева и ненависти к колонизаторам, что и там взлетает голубь мира, что и там немало глаз, которые с надеждой и любовью смотрят за океан, в сторону далекой дружественной всем народам страны — Советского Союза. Из этой небольшой книги многое можно узнать: она не только песня и музыка, она—путешествие по Кубе и встреча с ее людьми.

Стихи Гильена в большинстве своем необыкновенно кратки. Этой краткости Гильена научила народная песня. Тема многих его стихотворений — бесправие негров, гнет колонизаторов, жестокость надсмотрщиков:

Кнут,
труд и кнут.
Солнце проснулось рано
и увидело негра в неволе.
Голое тело в ранах
на голом поле.

(Перевод О. Савича)

Но песня Гильена — не жалоба, не просьба о милосердии, не терпеливая печаль людей, бесправных потому, что их кожа темна. Его песня — угроза, вызов врагу, собирание сил.

Если протягивают руку
робко или смело,
на радость или на муку,
черный или белый,
индеец или китаец,
рука руку знает,
рука руке отвечает.

(Перевод И. Эренбурга)

Справедливо замечает И. Эренбург в своем предисловии к книге: «Может быть, именно потому, что поэзия Николаса Гильена национальна, она перерастает границы его маленькой страны, трогает не только кубинцев, не только негров, не только американцев, она волнует и русского поэта, и французского рабочего, и китайского мудреца, она воистину всечеловечна...»

Его поэзия знала окопы и баррикады сражающейся Испании, партизанские горы, нож ненависти в руках у повстанца, лачуги Кубы, трюмы кораблей. Поэт Николас Гильен, борец за будущее своего народа и за дело мира, выходил на трибуны конгрессов, его стихи не раз звучали в московских залах в прекрасном чтении Валентины Поповой:

Моя родина кажется сахарной,
но сколько горечи в ней!
Моя родина кажется сахарной,
она из зеленого бархата,
но солнце из желчи над ней.

(Перевод И. Эренбурга)

От страницы к странице не покидает читателя чувство новизны и свежести. Удивительными кажутся эти лаконичнейшие стихи-песни, где только оттенок интонации, двойное или тройное повторение одного лишь слова, даже многоточие выполняют службу развернутого образа, описания или сюжета. Настойчивые повторения, иногда похожие на припев без самой песни:

Иди, иди, прохожий,
шагай,
иди без остановки,
шагай!

Зайдешь к ней в дом — что видел
меня, не выдавай.
Иди, иди, прохожий,
шагай!

(Перевод О. Савича)

В сборнике помещены также и новые вещи Гильена — «Возвращение из Китая», «Маленькая пловдивская баллада», «Янки, гоу хоум» и другие. В некоторых из этих вещей голос Гильена звучит уже словно в сопровождении других товарищеских голосов, эти песни сложены среди друзей и соратников из тех стран, где победил народ, где труд стал свободен. С большой силой написана «Песня о Сталине», насыщенная подлинным интернационализмом.

Переводы И. Эренбурга, О. Савича, Ф. Кельина дают ясное представление о художественной форме поэта. Счастливая способность русского языка — предельно точно передавать мелодику любого стиха в переводе с любого языка — помогла авторам переводов воспроизвести своеобразие поэзии Николаса Гильена.

Семен КИРСАНОВ

БЕДА ОДНОЙ КНИГИ

Автор критико-библиографического очерка «В. В. Маяковский» («Советский писатель», 1952 г., 256 стр.) В. Новиков не может пожаловаться на невнимание критики. С рецензией на этот очерк выступила газета «Московский комсомолец» (27 декабря 1952 г.). Оценка книги дана и в редакционной статье «Комсомольской правды» (4 января 1953 г.).

Не обиженный вниманием критиков, В. Новиков мог бы скорее пожаловаться на другое — на недостаточную объективность оценок. Говоря об очерке, рецензенты почти ни словом не обмолвились о том, что в нем хорошо, и весь темперамент отдали только выяснению того, «что такое плохо».

Сказать о достоинствах очерка В. Новикова надо вовсе не для того, чтобы уравнять или, выражаясь языком счетных работников, скалькулировать плюсы и минусы, положительные и отрицательные стороны. Сказать о достоинствах очерка нужно просто потому, что они есть.

В книге справедливо говорится о том, что путь Маяковского не был прямолинейным и ровным. «Нам нет надобности скрывать футуристические ошибки и заблуждения Маяковского — он сам их преодолел и решительно отбросил,— ясно и недвусмысленно утверждает В. Новиков.— Нам нет надобности «приподнимать» Маяковского — он настолько велик, что не нуждается ни в прикрашивании ни в «приподнимании». Нельзя не согласиться с автором очерка и тогда, когда он пишет: «Футуристы были носителями буржуазного мировоззрения, причем появление их группы знаменовало собою полный распад декадентского искусства. «Будетляне» не оказали никакого влияния на развитие литературы. И если бы не принадлежность к ним Маяковского и не старания некоторых критиков превратить отрицательное влияние футуристов на поэта в положительное влияние, то вряд ли кто помнил бы сейчас об этой группе. Она возникла и быстро распалась наряду с другими многочисленными группами, не оставив после себя заметного следа».

И все-таки книга В. Новикова разочаровывает.

Маяковский так начал свою «Автобиографию»: «Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу».

Главная беда книжки В. Новикова и состоит в том, что именно этим-то Маяковский ему вовсе неинтересен. Об этом он не пишет. А если и пишет, то плохо.

Маяковский, как это и положено поэту, мыслит образами. В. Новиков этого, как правило, не учитывает. Создается такое впечатление, что поэт и критик разговаривают на разных языках. При этом, не понимая того языка, на котором говорит Маяковский, критик обижается и предъявляет поэту неправомерные претензии.

Чувствуя себя еще более или менее уверенно, когда речь идет о взглядах поэта, критик сразу же проявляет не то растерянность, не то какую-то испуганную настороженность, когда речь заходит о Маяковском — *поэте, художнике, мастере стиха.*

Гиперболы Маяковского обескураживают критика. Он упрекает автора «150.000.000» в том, что «Вудро Вильсон, например, персонифицирует всю Америку как реакционную империалистическую страну, словно в ней нет рабочего класса и внутренних революционных сил, которые способны свергнуть миллионера». Тут критик явно упрощенно понимает природу заостренного, сатирического образа Вильсона, созданного поэтом.

О неологизмах Маяковского в очерке сообщается: «Маяковский интенсивно употребляет новые слова, и они не придуманы поэтом, а созданы обществом в процессе его исторического развития... Что касается придуманных поэтом неологизмов, которые все еще встречаются в поэме, то Маяковский употребляет их умеренно, оправдывая новое значение слова самим контекстом». Как будто речь идет о каком-то грехе, о чем-то опасном, что и принимать надо умеренно, в гомеопатических дозах. «Все еще» звучит здесь так, будто затем у Маяковского неологизмы и совсем исчезают. А разве в последнем своем произведении «Во весь голос» поэт не употребляет неологизмы — «коммунистическое далеко», «песенно-есененный провитязь», «амурно-лировая охота», «многопудье»... Совсем не в «умеренности» дело — это слово к Маяковскому вообще мало подходит! — а в том, что неологизм перестает быть нарочитым, надуманным, крепко связывается с живой природой русского языка.

Вл. Любовцев в рецензии, напечатанной в «Московском комсомольце», упрекает В. Новикова в том, что он чересчур много и охотно пишет об ошибках Маяковского. Доля истины в этом есть: порою автор начинает, что называется, «прорабатывать» поэта. Например: «Слишком часто тогда Маяковский допускал ошибки...» (речь идет о 1920 годе). Что значит «слишком часто»? По сравнению с чем «слишком»? И вообще — что это за тон? В. Новиков иногда говорит о поэте так, будто Владимир Владимирович Маяковский в чем-то лично перед ним провинился.

Непонимание специфики художественного произведения проявилось в очерке и в том, что автор излагает свои мысли скучным и бедным языком. Ну вот, например, он говорит: «...поэт осознал себя в определенной степени буревестником революции и заявил о своей готовности участвовать в восстании». Мысль важная. Но как она изложена! Как понять выражение—«в определенной степени буревестник революции...»?

Нельзя так писать о поэзии. Нельзя так писать о Владимире Маяковском.

З. ПАПЕРНЫЙ

СТИХИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Для чего издаются сборники стихов? Очевидно, для того, чтобы стихи эти читали и про себя и вслух, чтобы их переписывали себе в тетрадь, читали на вечерах. Но как часто выходят сборники, составленные из однообразных, бесстрастных стихов на мнимо нужную тему, которые на самом деле, оставаясь только стихотворным пересказом общих положений и не становясь стихами, оказываются ненужными читателю.

Есть такие произведения и в сборнике латышской поэтессы Мирдзы Кемпе «Стихотворения» («Советский писатель», 1952, 122 стр.). Это стихотворения «Врач» — о том, что труд врача важен, «Геологи» — о полезной работе разведчиков земных недр, «Вэфовцам» — трескучие строчки, посвященные скорее не людям, а самому заводу: «Вэф! Как дорог сердцу шум твой, блеск и гуд!» Ими как бы заполняются тематические пустоты и просто страницы между хорошими и отличными стихами, которые одни не составили бы книжку такой толщины. Но, к счастью, слабых стихов в сборнике немного.

Читатель, желающий познакомиться с Латвией, с интересом прочтет стихи о прошлом республики («На курземском старом дворе»), о ее сегодняшнем дне («Весна в Риге», «Осушители болот» и др.) — произведения эти дадут ему представление и о поэтическом почерке автора. Оказывается, простой белый листок бумаги фабрики Лигатне может о многом поведать — об архангельских лесах, откуда привезли целлюлозу, об украинских степях, где добывали белую глину, потребную для бумажного производства, о труде многих людей — лесорубов, сплавщиков леса, мастеров, инженеров, потрудившихся до того, как поэтесса села за свой рабочий стол («Разговор с бумагой Лигатне»).

Широкий мир души поэтессы, круг ее интересов и симпатий предстает из стихов, посвященных нашей советской Родине: «Иванову — городу ткачей», «В виноградниках Алазани», «Старый татарин» и многих других.

И есть в сборнике произведения, которые хочется прочесть вслух каждому, которые просятся со страниц книги на эстраду, в эфир. За сердце берут строки, посвященные испанскому герильеро Кристино Гарсия, молчавшему под пытками палачей-фалангистов:

Когда в горах дробят пласты,
Их жалоб не услышишь ты,—
Молчит и герильеро...

Я так умру, чтобы всегда
Пассионария горда
Была бы герильеро...

Даже не зная, что брат поэтессы — боец Интернациональной бригады—погиб за свободу испанского народа, видишь, что тема Испании — глубоко личная для автора тема («Баллада о герильеро», «Павшему», «Фернандо Кардона поет в Риге»).

Личность поэтессы, раскрывшаяся через лучшие ее стихи, глубоко симпатична читателю.

К. ЛАПИН

СОБЫТИЯ В КОРЕЕ

Идет третья зима войны в Корее. Миновало еще одно, третье рождество, к которому американские солдаты, сражающиеся за тысячи километров от своей родины за чуждые и непонятные им интересы, надеялись вернуться домой в США. Еще в 1950 году, вскоре после вероломного нападения американских империалистов на Северную Корею, генерал Макартур обещал в самый короткий срок победоносно закончить войну и вернуть американских солдат домой не позже рождества. «Скажите ребятам,— хвастливо заявлял он,— что если они достигнут реки Ялуцзян, то будут сидеть дома за рождественским обедом».

Итоги двух с половиной лет войны в Корее показали, что США потерпели здесь небывалое в американской истории военное и моральное поражение. Потерпели крах авантюристические планы вашингтонских стратегов, вознамерившихся поставить на колени вольнолюбивый корейский народ. Американское командование еще не раз обещало своим солдатам возвращение домой — к рождеству 1951, а затем 1952 года. Но вот миновало и это, третье рождество, а линия фронта, несмотря на то, что общие потери интервентов перевалили за миллион, попрежнему проходит в районе 38-й параллели. Начинаясь на западе у устья реки Имчжинган (южнее 38-й параллели), она идет севернее Чорона и Кымхва, к югу от Кимсона и заканчивается на побережье Японского моря, южнее Косона. Восточная половина этой линии, отклоняясь от 38-й параллели, отрезает от Северной Кореи горный район, который по своей площади примерно равен району, отрезанному от Южной Кореи западной половиной линии.

Внести коррективы в эту линию американские войска вновь пытались еще в начале минувшего года, однако безуспешно. Но особенно напряженные бои развернулись на фронтах Кореи в осенние месяцы, после того, как 8 октября американцы цинично прервали переговоры о перемирии. Это было в те самые дни октября 1952 года, когда г-н Ачесон с трибуны 7-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН лицемерно говорил о «горячем стремлении» США к мирному урегулированию корейского вопроса. Англо-американские интервенты и их лисынмановские приспешники, используя тысячи самолетов, сотни танков, огромное количество артиллерии, яростно атаковали позиции корейской Народной армии.

Государственный секретарь США еще и еще раз поднимался на трибуну, разглагольствовал о своем «миролюбии». По его команде агрессорское ядро ООН отвергло советские предложения по мирному урегулированию корейского вопроса, протащило индийскую резолюцию, направленную на продолжение и затягивание войны в Корее, а командующий 8-й американской армией в Корее Ван Флит, слуга тех же хозяев, которые стоят за спиной Ачесона, бросал в бой все новые и новые части, ибо, как заявил сей генерал: «Нам нужна военная победа... Корея — это ключ к Азии».

Против Народной армии и китайских добровольцев действовали 1-я, 2-я, 3-я, 7-я, 25-я, 40-я и 45-я американские пехотные дивизии, британская объединенная дивизия и 9 лисынмановских дивизий.

14 октября, как раз в день открытия сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которой надлежало решить проблему мирного урегулирования корейского вопроса, интервенты осуществили очередную попытку прорвать оборону корейской Народной армии и китайских добровольцев, вбить клинья в их позиции. Захватчики стремились овладеть важными в тактическом отношении высотами, которые контролируют коммуникации, идущие на Сеул, и в частности, дорогу Сеул — Чорон. Сконцентрировав на узком участке центрального фронта северо-восточнее Чорона и севернее Кымхва большие силы, американское командование бросило в этот день против Народной армии и китайских добровольцев 7-ю американскую и 2-ю лисынмановскую дивизии, более ста танков. Наступление поддерживало большое количество авиации.

Хотя, как сообщали иностранные корреспонденты, это была одна из самых больших наступательных операций истекшего года, она свидетельствовала не столько о силе, сколько о слабости захватчиков, ибо, в отличие от «летнего» и «осеннего» наступлений 1951 года, атаки были предприняты на ограниченном участке фронта с целью создания здесь значительного перевеса сил.

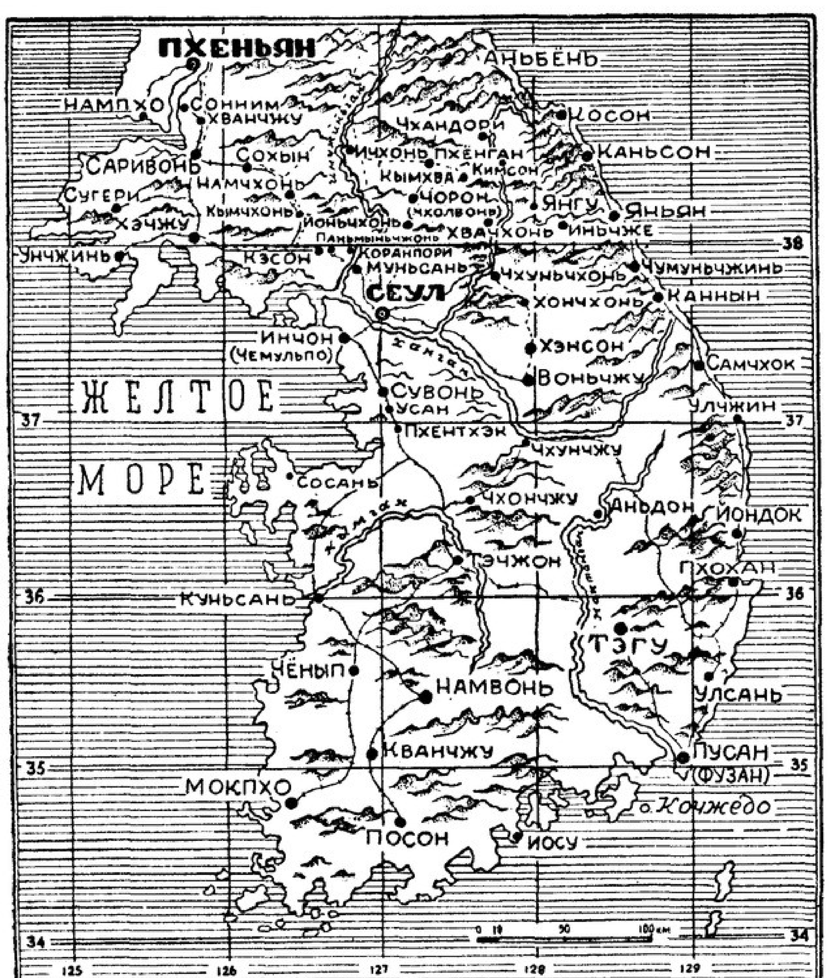
Ожесточенность сражений нарастала все более и более. В отдельные дни интервенты выпускали по позициям Народной армии до 300 тысяч снарядов и сбрасывали почти 500 крупных бомб. Американское командование вынуждено было в ходе боев заменить сильно потрепанные 7-ю американскую дивизию — 25-й, а 2-ю лисынмановскую — 9-й.

Получив решительный отпор, захватчики еще более ограничили фронт наступления, решив нанести удар только в районе севернее Кымхва — важного узла стратегических дорог. 22 октября они предприняли здесь более 30 атак. Сражение неоднократно переходило в рукопашные схватки и продолжалось непрерывно 14 часов. 26 октября при отражении одной из таких атак корейские и китайские воины уничтожили два вражеских батальона.

Дорого обошлись интервентам все их попытки осуществить даже весьма ограниченные наступательные операции. По данным агентства Синьхуа, они потеряли в октябре более 60 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Это были самые большие потери за минувший год. Американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» с прискорбием признавал, что «наблюдается новый зловещий рост числа жертв среди американских солдат». Вновь, как летом и осенью 1951 года, в сообщениях корреспондентов появились названия, подобные тогдашним: «Блади ридж» — «Кровавый хребет», «Хартбрейк ридж» — «Душераздирающий хребет». Теперь это был «Малый Гибралтар» и т. п. Но «битва в районе Кымхва, — передавало агентство Ассошиэйтед Пресс, — принесла совершенно иные результаты, чем предполагал Ван Флит... Видны лишь одни расходы, а приходов — никаких».

Упорные и тяжелые бои за горные позиции как на центральном, так и на западном фронте в районе Йоньчхоня и Паньмыньчжоня, продолжались также в ноябре и первой половине декабря 1952 года. Но столь же безрезультатно для интервентов. Солдаты корейской Народной армии и китайские добровольцы, ведя активные оборонительные бои, все более оттачивая свое военное мастерство, умело используют артиллерийский и минометный огонь, контратакуют и изматывают врага. Корейские газеты публикуют многочисленные сообщения с фронта о героизме и самопожертвовании воинов. В ночном бою за высоту 351 часть офицера Пак Чан Ока вынуждена была залечь под огнем врага перед последней линией проволочных заграждений. Тогда сапер Лис Ин Сун лег на проволоку, крикнув: «Товарищи, вперед! Бегите по моей спине и уничтожайте врага!» Преодолев проволочные заграждения, бойцы ворвались в расположение интервентов и завязали рукопашный бой. В нем вместе со своими боевыми друзьями принял участие и раненый Лис Ин Сун. Противник отступил, потеряв 140 солдат и офицеров. Захваченная у врага высота названа именем героя Лис Ин Суна.

Части корейской Народной армии и китайские добровольцы не только удерживают господствующие горные высоты и перевалы, но и, нанося врагу огромный урон, заставляют его в ряде мест покидать укрепленные позиции.

Так, с 1 по 6 ноября войска Народной армии и китайские добровольцы заняли 10 вражеских позиций северо-восточнее Чорона, северо-западнее Кымхва и западнее Кимсона. В одной из сводок 8-й американской армии признается, что Народной армии удалось занять важную высоту, господствующую над большим участком центрального фронта.

В результате ноябрьских боев англо-американские и лисынмановские войска потеряли более 30 тысяч убитыми, ранеными, пленными. В декабре противник потерял еще 15 тысяч человек. Всего же, по данным китайской газеты «Женьминьжибао», в 1952 году интервенционистские войска потеряли почти 242 тысячи солдат и офицеров.

Последние недели 1952 и начало 1953 года характеризуются в основном относительным затишьем на всем протяжении корейского фронта. Обе стороны ведут артиллерийскую перестрелку и разведывательные бои местного значения. Американское командование объясняет это затишье сильными морозами и снежными метелями. Но, конечно, дело не в «генерале морозе», который, как известно, был излюбленным коньком и у гитлеровцев. Потрепанные и в значительной степени обескровленные войска интервентов нуждаются в пополнении и переформировании.

Большие потери продолжают нести американцы в авиации. В октябре было сбито и повреждено 824 американских самолета, в ноябре — 622, в декабре — 524. Говоря о меткости огня зенитчиков Народной армии и китайских добровольцев, командующий американским 5-м авиасоединением генерал Баркус признал: «Они появляются всюду, где появляемся мы».

Предметные уроки, которые дают зарвавшимся авантюристам защитники Корейской народной республики, ведут к дальнейшему падению морального духа американских солдат, которые воюют без воодушевления, без веры в правоту своей миссии. Характерно в этом отношении заявление американского солдата Длинга из Индианы, которое приводит корреспондент агентства Юнайтед Пресс. Достаточно одного месяца на корейском фронте, заявил Длинг, «чтобы на вас надели смирительную рубашку. Вам не для чего жить». Другой корреспондент приводит высказывания солдат, которые заявили, что «хотели бы забыть место, называемое Кореей».

Своеобразным протестом против бесцельной гибели тысяч американских юношей в далекой Корее служит рост массового дезертирства из вооруженных сил США. Как видно из сообщения агентства Юнайтед Пресс, «из американской сухопутной армии ежемесячно дезертируют в среднем 20 тысяч человек. Иногда в сутки дезертировало 3 тысячи человек». Выходящая в Луисвилле газета «Таймс» пишет, что задержанные беглецы откровенно заявляют в военном трибунале, что стремились избежать посылки на корейский фронт.

Чувствительные удары наносят захватчикам корейские партизаны. Пробираясь по недоступным захватчикам кручам и стремнинам в горах Чирисана, народные мстители проникают и к самому логову врага — Пусану. Недавно они взорвали железнодорожное полотно на дороге Сеул—Пусан, всего в 32 километрах от последнего. Движение поездов было прервано на 15 часов. Другой партизанский отряд совершил внезапный налет на железнодорожную станцию Ючхон. Корейские патриоты разрушили станционные постройки, разгромили склады и повредили железнодорожное полотно. Когда проходивший здесь воинский эшелон сошел с рельсов, партизаны открыли по нему ураганный огонь. Ни один американец не ушел живым.

Одной из особенностей последних боев в Корее является то, что американцы еще больше, чем прежде, используют в опасных и трудных местах в первую очередь лисынмановцев, а также англичан, канадцев, турок, греков.

Именно на осуществление плана американских империалистов таскать каштаны из огня чужими руками и была направлена усиленная дипломатическая деятельность в первые дни нового года предателя корейского народа Ли Сын Мана, вызванного генералом Кларком для «увеселительной» поездки в Токио. Секретом полишинеля является то, что Ли Сын Ман обсуждал с японским премьером Иосида и Кларком, как лучше использовать японское пушечное мясо на корейском фронте и быстрее насильственно переселить в Южную Корею 700 тысяч корейцев, проживающих в Японии, чтобы бросить в братоубийственную войну. Кларк и его хозяева спешно разрабатывают также планы замены американских войск чанкайшистскими наймитами.

Американские империалисты готовятся к новым военным авантюрам. Дипломаты доллара, орудующие в ООН, и люди с золотыми галунами из Пентагона действуют в полном согласии. Как сообщает агентство Интернейшнл ньюс сервис, американское военное командование изучает план координированного удара армии, флота и военно-воздушных сил в тыл корейской Народной армии с тем, чтобы перенести американские позиции на 75 миль к северу.

Факты говорят, что американские империалисты не хотят мирного разрешения корейского вопроса. Эти их устремления выражает сенатор Бриджес, который вопит, что «США не могут прекратить войну на других условиях, помимо мировой победы...» Торговцы смертью даже и не вспоминают о возможности возобновления мирных переговоров. Ведь прекращение войны в Корее, как признает уполномоченный по вопросам промышленности штата Нью-Йорк Корси, означало бы сокращение на 11 миллиардов долларов «заказов на оборону». «Перемирие,— пишет журнал «Бизнес уик»,— сделает предсказанный спад деловой активности почти неизбежным». Может ли согласиться на это, например, монополистическая фирма Дюпона, наживающая на каждой пятой пуле, выстреленной в Корее, 5 центов? По предварительным подсчетам «Экономик индикейторс» видно, что прибыли американских монополий за 1952 год, вероятно, достигнут 46 миллиардов долларов. Эти доллары, стекающиеся в бездонные сейфы горстки миллиардеров, сделаны из крови.

Американским монополистам с каждым днем труднее обманывать народ США, выражающий резкое недовольство корейской войной. «Всякий, кто путешествовал по нашей стране,..— пишет газета «Вашингтон пост», — мог легко заметить, что продолжающееся кровопролитие в Корее является самым значительным источником недовольства. В настоящее время признаки нетерпения усиливаются». Показательно в этом отношении опубликованное в питтсбургской газете «Сан-телеграф» письмо из Кореи американского солдата Фрэнка Рейнольдса своей матери. Осуждая американское правительство за срыв переговоров о перемирии и неправильную позицию по вопросу о военнопленных, Рейнольдс пишет:

«Дела в Корее обстоят очень плохо. Многие американские парни платят сейчас ужасную цену за самую фантастическую глупость государственного департамента в истории нашей страны—глупость, настолько потрясающую, что ее невозможно описать словами... За деспотическую политику Ачесона приходится сейчас расплачиваться не сотнями, а тысячами жизней американцев ежемесячно».

...Более двух с половиной лет полыхает в горах и долинах Кореи пожар войны. На смену Макартуру пришел Риджуэй, его сменил Кларк. Земля Кореи покрылась бесчисленными могилами американских солдат. Все новые дивизии, самолеты и танки прибывают из-за океана. Бессильные добиться своих кровавых целей, воинствующие милитаристы США воскресили из тьмы веков чудовищные изуверства. Под покровом ночной темноты американские бомбардировщики снова и снова сбрасывают смертоносный груз на уже трижды и четырежды разрушенные города и села. В окрестностях Пхеньяна, Анчьжу, Вонсана и других городов целые районы выжжены напалмом. А американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» хвастливо заявляет, что только за четыре месяца 1952 года на Северную Корею было сброшено 42 тысячи бомб и 200 тысяч галлонов напалма.

Варвары из-за океана пускают в ход бактериологическое оружие, пытают и убивают беззащитных военнопленных.

Вольнолюбивый народ Кореи стоял и стоит нерушимо. Он единодушен в своем стремлении защитить свободу и независимость родины.

С высокой трибуны Венского Конгресса народов в защиту мира прозвучали настойчивые требования посланцев миллионов людей доброй воли о немедленном прекращении кровопролития в Корее, об обуздании агрессоров, предавших огню и мечу мирную землю.

Немедленно прекратить войну в Корее! — несется призыв по всем континентам земного шара.

Н. БАБИН

ФАЛЬШИВЫХ ДЕЛ ТУРЕЦКИЕ МАСТЕРА

«Методы» турецких гангстеров пера никогда не отличались чистоплотностью: врет, как Ялчин,—это уже вошло в поговорку. Ныне эти газетные башибузуки, что называется, распоясались вовсю. Стамбульские клеветники и анкарские врали пускаются на самые грязные трюки, чтобы словом и делом доказать свою верность заокеанским долларовым магнатам.

Например, газета «Зафер», выходящая в Анкаре, решила расписать мнимую «милитаризацию» Германской Демократической Республики, а поскольку фактов нет и не может быть, — высосать их из пальца. И высосала. Для вящей убедительности опубликованную статейку, полную нелепых и досужих вымыслов, редакция сопроводила фотографией с подписью: **«Полицейские силы в Восточной Германии».** Газету «Зафер» при этом ни мало не смутило то обстоятельство, что на снимке изображена... **западногерманская** полиция!

Не прошло и двух месяцев, как редакция газеты «Зафер» вновь проявила верноподданническое усердие: на этот раз она напечатала статью, расхваливавшую проводимую американцами уже не мнимую, а вполне реальную ремилитаризацию боннского рейха. Наглецы из «Зафер», очевидно, рассчитывая на забывчивость читателей, в качестве иллюстрации к этой статье вторично «тиснули» тот же самый фотоснимок! На этот раз подпись гласила: **«Полицейские части Западной Германии на учении»...** Следует добавить, что полицейскими частями газета именует ядро возрождаемого янки-империалистами гитлеровского вермахта.

Обращают на себя внимание некоторые детали этой жульнической проделки. В первом случае, явно побаиваясь разоблачения, редакторы газеты «Зафер» поместили фотографию в уменьшенном виде, во втором случае снимок дан крупно.

Трюк, проделанный бессовестными редакторами газеты «Зафер» в расчете на невнимательность и забывчивость читателей, — наглядный образчик грубой работы турецких последователей Херста.

В заключение остается сказать несколько слов вообще о газете «Зафер», являющейся органом правящей, так называемой демократической партии Турции. Для того, чтобы политическая окраска газеты стала ясной до конца, приведем два откровенных высказывания, взятых нами наугад из передовых статей, опубликованных «Зафер» в минувшем году. В качестве автора этих статей постоянно выступает Мюмтаз Фаик Феник, главный пайщик акционерного общества «Гюнеш», которому и принадлежит газета «Зафер».

Вот эти цитаты.

Турция — поставщик «пушечного мяса». Касаясь этой темы, Мюмтаз Фаик Феник писал: «Генерал Арнольд (глава военной миссии США в Турции. — **Ред.**), находящийся в нашей стране уже довольно давно, очень хорошо знает положение... Он сказал, что каждый доллар, предоставляемый Турции, обеспечивает нам (генерал-то имел в виду, конечно, США! — **Ред.**) безопасность на три доллара. Мы с гордостью можем заявить, что турецкие солдаты могут с большим искусством пользоваться современным оружием. Нет сомнения, что с этой точки зрения помощь, которую оказывают Турции, принесет свои плоды».

Турция — американская колония. Не скрывая своего раболения перед страной доллара, Мюмтаз Фаик Феник писал: «Мы очень рады приезду верховного главнокомандующего вооруженными силами Северо-атлантического союза генерала Риджуэя в Турцию. Не приходится сомневаться, что уважаемый генерал, убедившись на месте, что 48 процентов бюджета Турции расходуется на национальную оборону... и что американская помощь используется по назначению, со спокойной душой покинет Турцию».

Что касается боссов американской пропаганды, присматривающих из-за океана за своими турецкими выучениками, то их души, в отличие от души генерала Риджуэя, спокойствия не обретут: ведь Феник и К° пойманы с поличным!..

* * *

Слева — снимок, опубликованный газетой «Зафер» 8 июля 1952 года, с подписью: «Полицейские силы в **Восточной Германии».**

Справа — тот же самый снимок, вторично опубликованный газетой «Зафер» 24 августа 1952 года, с подписью: «Полицейские части **Западной Германии** на учениях».

„ЖИЛИЩЕ“ РАБОЧЕГО СХЮТТЕ

Старая шлюпка, стоящая на привязи у набережной. На шлюпке — перевернутый вверх дном большой фанерный ящик. Отверстия, проделанные в его стенках, служат «окнами» и «дверью»... Так выглядит «жилище», в котором ютится семья голландского рабочего Х. Схютте.

Этот снимок сделан в Амстердаме — одном из наиболее крупных городов Голландии. Из-за гонки вооружений, осуществляемой правящими кругами этой страны по приказу из Вашингтона, трудящиеся вынуждены терпеть все большие лишения.

Снимок из голландской газеты «Де ваархейд»

Александр СТИБОР-РЫЛЬСКИЙ,
польский писатель

Молодость Ванды Госциминской

В Рудзе Пабяницкой под Лодзью живет женщина, с которой меня связывает сердечная дружба. Руки у нее натруженные, а плечи слегка согнуты, как у человека, с детства познавшего тяжелую работу. Страшные годы кризисов и локаутов, какими жила старая Польша, украли у нее молодость. Лицо Ванды Госциминской обрело тогда острые и твердые линии, а между бровями ее пролегли гневные складки.

— Тогда,— сказала мне как-то Госциминская, — я старалась не думать о том, как уходит моя жизнь, никому не нужная, бесцельная, полная отчаяния жизнь. Я избегала воспоминаний, потому что мне становилось от них еще тяжелее и печальнее. Ведь, подумайте, кончилась молодость, а я не видела еще ничего хорошего, ничего радостного — почти ничего, кроме обид.

Дети Ванды Госциминской ныне учатся в красивой светлой школе, читают книги, готовятся стать врачами, инженерами. Они хотят жить в новых, полных зелени районах, хотят счастья и благосостояния. И ни одно из их мечтаний не противоречит действительности: Народная Польша распахнула перед ними великое будущее.

А когда их матери было как раз столько же лет, сколько им теперь, она мечтала только об одном: о ботинках, обыкновенных, самых обыкновенных ботинках. И эта маленькая мечта была неосуществимой. Школа, в которой училась Ванда, дочь безработного текстильщика и сезонной рабочей-ткачихи, всегда была полна громких стуков — это гремели деревянные чоботы и шаркали обернутые в тряпье босые, отмороженные ноги бедняцкой детворы. Это все, что панская Польша могла дать ребенку.

Не радостнее была жизнь Ванды и позднее, когда она стала взрослой девушкой.

Многие месяцы она работала пряхой, не получая никакой платы. Она работала за одно лишь обещание мастера предоставить впоследствии платную работу...

И потому в те времена даже праздники у голодных и иззябших тружеников Польши проходили в глухом молчании.

Как же изменилась ныне жизнь миллионов госциминских в Народной Польше! Вокруг них простирается страна нового. Повсюду открываются глазу силуэты городов, еще вчера не обозначенных на карте, городов, возникших благодаря радостному творческому труду народа.

Даже в самых отдаленных уголках Польши люди чувствуют жар печей Новой Гуты, видят отблески огня ченстоховской сталелитейни, слышат гудение новых печей Гуты Костюшко и стрекот машин в лавах шахт, выдающих на-гора почти в три раза больше угля, чем до войны...

Ванда Госциминская провела праздничный день Нового года в сверкающей огнями Лодзи, где ей сердечно улыбались тысячи встречных прохожих. Лодзь, столица польского текстиля, хорошо знает Ванду Госциминскую — своего депутата сейма Польской Народной Республики.

Каждый ткач знает эту женщину, которая первой в Польше по примеру своих советских подруг перешла на многостаночное обслуживание и тем самым положила начало технической революции в польской текстильной промышленности.

Ныне таких передовиков труда в Польше — уже тысячи, но каждый из них помнит, с каким упорством, с какой неутомимой настойчивостью и вместе с тем с какой дружеской заботливостью учила их Ванда Госциминская новому, социалистическому отношению к труду. И молодые пряхи в стенах тех же лодзинских фабрик, где в их возрасте работала, как на каторге, Ванда Госциминская, мечтают о победах в социалистическом соревновании, удостаиваются правительственных наград, въезжают в новые солнечные квартиры, проводят свой отпуск на берегу моря, в чудесных домах отдыха...

На груди у Госциминской—орден Строителя Народной Польши — высшее отличие созидателей социализма в моей стране. И каждый знает у нас заслуги Ванды Госциминской в воспитании социалистической морали, знает, что орден на ее груди выражает и их благодарность и уважение к этой замечательной женщине.

Навсегда миновало то время, когда нужно было умолять фабриканта предоставить работу. Ныне Ванда Госциминская является главным директором той самой фабрики, где так безрадостно прошла ее молодость. Хотя теперь уже трудно сказать, что это та же самая фабрика. Государственное предприятие в Рудзе Пабяницкой под Лодзью разрослось, технология изменилась. В бывшем дворце фабрикантов расположились детские ясли и клуб. Но прежде всего иными стали люди — молодыми, пытливыми, сознательными хозяевами фабрик.

...Широко шагает Народная Польша. Первые дни 1953 года ознаменовались новой замечательной победой нашего народа. Правительство отменило временно введенную карточную систему снабжения, повысило заработную плату рабочим и служащим, сняло ограничения в торговле излишками сельскохозяйственных продуктов при сохранении обязательных поставок.

Польский народ горд свершенными им делами. Их знаменательной чертой, как подчеркнул великий строитель Польши Болеслав Берут, является укрепление сознания того, что польский народ идет «...единственно верным путем, безошибочным путем, который ведет к дальнейшим победам, ко все лучшей жизни для всех людей труда».

Госциминскую и миллионы таких, как она, поляков ждут новые месяцы труда и творчества.

Молодость, какую познали, наконец, Ванда Госциминская и ее товарищи по труду, восторжествует над силами старческого маразма, мир победит войну.

ВАРШАВА

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Вот о чем сообщила американская газета «Нью-Йорк таймс» в № 34.639 за 1952 год:

«НЕМЦЫ НЕ ПОВИНУЮТСЯ АМЕРИКАНСКОЙ АРМИИ.

Крестьяне дают клятву сопротивляться плану использования аэродрома под склад оружия.

БЮТТЕЛЬБОРН, Германия, 24 ноября (Агентство Рейтер). — Здешние немецкие крестьяне решили сегодня сопротивляться — «с косами и цепами в руках», если потребуется, — плану американской армии реквизировать близлежащий аэродром, который прежде использовался германскими военно-воздушными силами.

Группа германских наблюдателей прибыла сюда и заявила крестьянам, что армия Соединенных Штатов хочет оборудовать на этом аэродроме склад боеприпасов. Крестьяне устроили массовый митинг и единодушно решили: они не хотят, чтобы рядом с их мирным поселением находилось «нечто столь опасное, как склад боеприпасов».

До этого они уже приняли меры к тому, чтобы самолеты не могли больше пользоваться аэродромом. Они изрыли посадочную дорожку и распахали вдоль и поперек глубокими бороздами всю территорию аэродрома».

The New York Times

GERMANS DEFY U. S. ARMY

Farmers Vow to Resist Plan to Use Airfield as Arms Cache

BUETTELBORN, Germany, Nov. 24 (Reuters)—German farmers decided here today to resist—with "scythes and threshing flails" if necessary—United States Army plans to requisition a nearby airfield formerly used by the Luftwaffe.

A team of German surveyors arrived here to tell the farmers the United States Army wanted the field for an ammunition dump. The villagers held a mass meeting and voted they did not want "anything as dangerous as an ammunition depot" near their peaceful town.

Комментарии излишни!

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62; разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — К 0-75-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30.

Б00807.